Цена 3 фр. № 4 Prix 3 frs

НАШЕ СЛОВО

Орган Республиканско-Демократического Об'единения

СОДЕРЖАНИЕ №4:

ПАРИЖ

Орган Республиканско-Демократического Об'единения

НАШЕ СЛОВО

« NOTRE PAROLE »

Revue trimestrielle. Organe de l'Union Républicaine-Democratique Russe

Редакция: 78, rue de Lourmel, Paris (15e)

№ 4 Іюнь 1935 г.

П. МИЛЮКОВ

Пражский мудрец

(К 85-летию президента Т. Г. Масарика)

Праздник президента Чехословакии есть не только праздник созданного его усилиями национального государства. Это — праздник всей славянской и всей мировой демократии. В век, когда и новые и старые правительства наперерыв стараются упростить задачу управления, возвращаясь к приемам единовластия, плохо скрытым под слегка модернизированными формами, президент Масарик вносит в руководство своим народом самые зрелые, надуманные долгим опытом размышления мысли. И он находит в населении достаточную подготовку, чтобы воспринять его идеи и осуществить их на практике. Народ достоин своего вождя, и вождь достоин своего народа: редкое совпадение, которое выделяет задачу новообразованного государства на фоне столь плачевных неудач. Другой твердой опорой этой счастливой страны служит полное совпадение ее интересов с интересами европейской дипломатии: совпадение, так дальновидно выдвинутое Масариком в самом начале борьбы за освобождение — и сохранившееся неизменным до настоящего времени. Границы Чехословакии легко уступают враждебной силе беспокойного соседа, но их охраняет тот порядок новой Европы, которому она обязана своим происхождением. И на страже этой охраны стоит бессменный исполнитель международного плана Масарика, его верный ученик Эдуард Бенеш. Еще одно совпадение вершины политической мысли с условиями реальной действительности. По-истине, Масарик — не один: его величавая и вместе простая, непретенциозная фигура сливается с фоном его народа и народов европейской передовой демократии. Честь ему и слава - и горячее наше пожелание, чтобы признанный всем миром, незаменимый, он еще многие лета воплощал в себе это несравненное единство мысли и воли, высокой идеи человечества и реальных интересов своего народа.

П. Милюков.

• • •

Д. МЕЙСНЕР

Шестидесяти пяти лет от роду пришлось Т. Г. Масарику приступить к главному делу своей жизни — революционной заграничной борьбе за свободу родного народа. С тех пор прошло целых 20 лет, заполненных для пражского мудреца ответственнейшей и напряженной работой на посту первого президента молодой славянской республики, и вот в глубокой старости, в 85 лет, Масарик снова стал знаменем, на этот раз уже не только своего народа, но и всех тех кому дороги принципы свободы, уважения к человеческой личности, народоправства и социальной справедливости.

Чем темнее ночь большевистско - фашистско - расистских «достижений», тем ярче светит имя обитателя пражского Града (Кремля), неустающего поднимать свой голос в защиту политической и социальной демократии. Важно при этом, что голос этот исходит не от чисто отвлеченного мыслителя, сильного теоретической мыслью, но беспомощного в практической политике, и не от связанного злобой сегодняшнего момента политика, — а принадлежит в равной мере мыслителю - философу и государственному вождю, искушенному долгим национально-государственным водительством.

Так имя Масарика стало в наши дни близким и нужным даже и тем, кто мало что знает о родине и народе маститого юбиляра.

В Праге сенатор Вацлав Клофач формулировал это положение словами: «Масарик был бы Масариком и без нас, но Чехословакия не была бы Чехословакией без Масарика». Роль ее президента, как вдохновителя и охранителя принципов демократии на **международном форуме** ярко подчеркнута в недавней декларации чехословацкой аграрной партии, в связи с днем 85-летия президента, — там сказано: «Вы остались апостолом демократии, когда другие

в ней усумнились, многие от нее отошли или стали маловерными. Поздравляем в Вас вождя республики и ее граждан, стража демократии и великого европейца».

Демократизм Масарика вытекает из самых глубинных, коренных основ его мировоззрения, как философа - **гуманиста.** Для него, говорит П. Н. Милюков, «свобода, равенство и братство есть непререкаемый символ веры и высшее требование морали». Постепенно, путем **эволюции,** человечество должно быть воспитано в этих принципах и тогда начала демократии в государственной жизни станут на прочное, незыблемое основание. **Пока** этого нет и **поскольку** этого нет, демократия непрочна, происходят ее «кризисы», она падает под ударами слева и справа. Одно только: — слабость современных демократий происходит не от «устарелости» этой, по выражению одного русского публициста, «бабушки 19-го века», а, наоборот, от ее чрезвычайной молодости, а потому и несовершенства.

Политическое «кредо» Масарика органически связано с его философской концепцией, получившей в науке наименование реализма. Последователь и ученик юбиляра говорит, что «реализм Масарика заключается в стремлении сгладить различие между западным и восточным реализмами, между верой в сознательность разума и верой в силу инстинкта, которому человек подчиняется». Характерно, что первая, вступительная, лекция молодого профессора Масарика была посвящена Юму, а вслед за этой вступительной лекцией следует публичный доклад о Паскале. Чешский «реалист» делает попытку примирить двух великих философов. В этой попытке заключается по существу основной смысл философского направления Масарика: оно определяется стремлением сочетать разум и чувство. Философ ищет **разумную веру.** Он ищет синтеза между уходящим от мира в экстазе веры католиком Паскалем и гениальным, холодным скептиком Юмом.

«Суть философского мышления Масарика, заключает другой его ученик, состоит в указании на необходимость что то сделать, чтобы избежать разногласия между чувством и разумом. Его не удовлетворяли вполне чувство, инстинкт и непосредственность, он стремился от восточного идеализма к западному реализму, он стремился не только чувствовать, но и действовать».

Незачем углублять пересказ философского мировоззрения Т. Г. Масарика, чтобы еще раз подчеркнуть сказанное уже выше: политический государственный идеал пражского юбиляра имеет слишком глубокие корни, чтобы они могли быть выкорчеваны шквалом сегодняшних антидемократических увлечений.

И, развивая свой постоянный тезис о политической и моральной молодости новой демократии, уже сам Масарик восклицает: «признание и осуществление равенства всех граждан, признание за всеми права на свободу, гуманитарный принцип как внешнего, так и внутреннего братства, это **не только политическая, но и этическая новизна».** Он говорит, что начал освободительную борьбу под демократическим знаменем и только под ним одним могут быть удержаны достигнутые завоевания: «от демократии я ожидаю морального возрождения не только политики, но также школы, частной и общественной жизни».

Связанный своим происхождением с социальными низами народной толщи, Масарик с юных лет исключительно чуток к проблеме социального равенства. Он не партийный социал-демократ, с Марксом счеты у него сложнее. Он говорит о постоянной, происходящей в нем борьбе симпатий и антипатий к основоположнику «научного социализма». Он — «за Маркса - философа, но против Маркса-материалиста. За Маркса - социалиста, но против Маркса, стремящегося во главе рабочих разрушить мир». К этому нужно добавить, что Масарик эволюционист; он думает, что «прогресс общества является результатом лишь планомерной и длительной работы». По его мнению — реформация, а не революция движет подлинным прогрессом. «Без действительного преображения сердец, умов, общественной мысли можно — говорит он — устранить чорта реакции, но место его тотчас же займет Вельзевул». Отсюда отношение к коммунизму, проводимому немедленно. «Коммунизм? Он совершенно неосуществим. Ведь и Маркс мыслил свой коммунизм лишь как окончательную стадию длинного исторического пути. Революция форм управления требует также эволюции духа».

Не будучи партийным штампованным социалистом, Масарик очень определенно высказывается в том смысле что современная демократия, чтобы быть на высоте стоящих перед ней задач, должна быть не только **политической,** но и **экономической.** Можно сказать, что это одна из идей, особенно близких и дорогих президенту Масарику, очень сблизившая его с пролетарскими и крестьянскими массами населения его страны. Социальный демократизм чехословацкого президента и его неукоснительное сотрудничество с социалистическими партиями, с обязательным привлечением их этим к **ответственности** за реальные судьбы страны, сослужили особую службу именно в последнее время, когда фашистско-националистические партии стремятся завоевать народные массы мнимым социально - экономическим радикализмом: в Чехословакии ни коммунизм, ни «социализм наизнанку» - фашизм не находят почвы в значительной мере благодаря указанной только что репутации президента, делающего его верным охранителем «малого человека».

Останавливая свое внимание на европейских событиях самого последнего времени, Т. Г. Масарик пропускает их сквозь сложную призму своего тщатель-

ного, об'ективного анализа и приходит к выводам вовсе не пессимистическим в отношении исповедуемой им политической доктрины. Он говорит (отсылаем интересующихся последними высказываниями чехословацкого президента к интереснейшей книге Людвига — «Беседы с Масариком» — только что вышедшей на чешском и немецком языках). «Если Муссолини и Геббельс об'являют свои системы за чистейшую форму демократии, то это нужно понимать, как признание демократии, о которой мы говорим». «Демократизацию вижу и в том, что после войны пришли к власти люди, бывшие социалистами, или же склонные к социальным реформам; назову Бриана, Муссолини, Эберта, Мак-Дональда, наконец, позволю себе назвать самого себя; это люди из народа и народом признанные. То, что здесь и там наступает иногда реакция, неудивительно. Этого следовало ожидать. Быстрые перевороты не дают сразу окончательных — конечных — результатов. Так было и с французской революцией. Реакции различного размаха после революций собой ничего нового не представляют и являются меньше всего аргументами против программы или защитников и деятелей этих революций».

«Верно, говорит Масарик в своих беседах с немецким писателем, — что демократии оказались несовершенными, но разве более совершенными и устойчивыми были монархии австро-венгерская, германская или русская». «Во всяком случае, продолжает он, мы видим, что Европа старого режима уступила окончательно».

Всю свою долгую жизнь Масарик живо интересовался Россией; этого мало — он тщательно изучал ее и ей, помимо целого ряда других работ, посвящен один из главных его трудов «Россия и Европа». Книга эта, вышедшая перед Великой войной, явилась основным пособием для всех современных чехов, серьезно изучающих Россию. В 1907 году Масарик пишет книгу «Этюды по русскому вопросу. Борьба Ф. М. Достоевского с русским нигилизмом». Достоевский изучен Масариком с исключительным вниманием, в этом писателе - мыслителе видит он самого яркого выразителя «восточных» мотивов русской души; по Достоевскому следит он за тем русским «своеобразием», которое остается непонятным западу и которое делает многие черты запада чуждыми русским. Масарик — противник романтическо-славянской концепции, приводящей, при столкновении с фактами реальной жизни, к неизбежному разочарованию. Он считает, что для правильного сотрудничества славян нужно, прежде всего, изжить иллюзии, питавшие последние славянские с'езды (в Москве и Софии). Тут у Масарика непримиримое расхождение с Крамаржем, иделогом так называемого «нео-славянства». Вместе с тем Масарик, которого его противники упрекают в односторонне западнической ориентации и отрицании роли России в судьбе западных славян, придает большое значение существованию сильной национальной и демократической России, которая в таком своем виде должна явиться опорой малых народов (не только славянских); он говорит по этому поводу: «все малые народы (финны, поляки, эстонцы, латыши, чехи со словаками) нуждаются в сильной России. Иначе их поработят немцы».

---

6 марта 1930 года чехословацкий парламент принял закон: «считать Т. Г. Масарика особо заслуженным перед отечеством». Это была благодарность чехословацкого народа. В сегодняшние тревожные дни, когда Европа и Россия переживают ужасы злобствующего коммунизма с одной стороны и злобствующего зоологического национализма с другой, когда льют пушки и строят аэропланы для нового взаимного истребления — благородный идеализм Масарика, его твердая вера в начала демократии и социальной справедливости и его искусная рука, проводящая эту веру в жизнь, заслуживают того, чтобы чехословацкий президент был признан особо заслуженным не только перед гражданами своей страны, но всеми гражданами мира, стремящимися к сохранению и охранению в человечестве — человечности.

Д. Мейснер.

П. МИЛЮКОВ

Франко-советский договор

Франко - советский договор о взаимной поддержке наконец подписан 2 мая, после многих перипетий, история которых весьма поучительна как для характеристики общего международного положения, так и для выяснения того положения, какое Россия и советская власть занимают в международной системе. «Шестая часть света», конечно, всегда будет иметь вес, какая бы власть ни управляла этой громадной, инертной массой. Вопрос только в том, в какой степени существующая система управления в состоянии сообщить этому малоподвижному целому достаточную скорость и гибкость приспособления к тому, что делается в остальном мире. Как бы ни относиться к советской власти, нельзя не признать, что даже в интересах самосохранения она проявила достаточно активности, чтобы заставить считаться с собой при учете сил, какими располагают борющиеся между собой стороны при крушении как старой, так и новой системы европейского равновесия. Су-

ществование этой борьбы не подлежит сомнению, также как и неспособность существующей международной организации примирить противоположные интересы. Не представляет секрета, что Европа до сих пор делится на два лагеря — победителей и побежденных в мировой войне, и что во главе побежденных продолжает стоять та самая держава, которая и вызвала своими притязаниями войну 1914 - 1918 г.г. — Германия. В этом отношении у Гитлера много точек соприкосновения с Вильгельмом II; жажда реванша лишь придала старым наступательным стремлениям Германии особоострый характер. Германия упорно продолжает искать «места под солнцем», по прежнему игнорируя в своих поисках международное право и существующие договоры. Но невежественный и недалекий «вождь» Германии выявил эти тенденции перед представителями европейских держав с беспримерным цинизмом, чем и вызвал против себя такого рода меры предосторожности, о которых прежде не могло быть и речи. Вследствие этого, в короткий срок последних двух - трех лет вся картина международных отношений Европы совершенно изменилась; пришлось спешно приспособляться к необходимости оказать об'единенный отпор новому варварству, черезчур откровенному в своей наивности и вполне безответственному в своем примитивном эгоизме. Старые противники стали друзьями; принципиальные пацифисты и интернационалисты стали европейскими патриотами; присяжные разрушители сделались охранителями статус кво. Франко - советский договор и является плодом всеобщей передвижки установившихся взаимоотношений.

Начало сближения буржуазной Европы с коммунистическим СССР не лишено привкуса известного романтизма. Большевики недаром воспевали Эррио, как первого инициатора сближения. Из этого же источника идет и та идеализация советской России, задача которой — прикрыть для публики советские язвы и несколько смягчить кричащие противоречия советской системы и практики. Психологически такое прикрашивание действительности в стране возможного союзника вполне понятно. Естественно и то, что со стороны СССР эта тактика вызвала встречные попытки — представить себя новым друзьям в возможно более приличном, т. е. европеизированном виде. Где тут граница между благочестивым лицемерием и действительной убежденностью разобрать нелегко, тем более, что иногда слова создают факты. Но несомненно одно, что весь этот аппарат охорашивания приводится в действие главным образом для «галлереи». Главные руководители всего дела руководятся, конечно, не выдуманными красотами, а реальными интересами и ведут, под прикрытием идеологии, вполне реалистическую политику. История и содержание франко - советского договора очень хорошо иллюстрируют эти действительные отношения.

Прежде всего, несомненно, что интерес к советской России подогревался и охладевал в прямой зависимости от того, поскольку в ней нуждались. Договор о взаимной поддержке был задуман и вчерне написан тогда, когда только что выяснилась решимость Гитлера нарушить все обязательства и опрокинуть все существовавшие отношения. На первых порах Гитлеровские декларации о независимости в области сухопутных, воздушных и морских вооружений застали Европу врасплох. Правда, Франция, давно поставившая «безопасность» впереди «разоружения», оказалась настороже против германских правонарушений. Но итальянский диктатор еще не успел разочароваться в германском собрате; Англия никак не могла стряхнуть с себя веры во всеобщую порядочность; СССР только что возобновил раппальские соглашения. В довершение всего, Польша изменила старой романтической дружбе Франции для союза с Германией. В своей кажущейся изоляции Франция, естественно, вспомнила о старом союзнике на востоке Европы, которого надеялась заменить Польшей. Охлаждение к Польше шло об руку с возрождением интереса к России, которую слишком поспешно смешали с Брест - Литовскими « изменниками ». Вспомнили, что Брест - Литовску предшествовала Марна, а может быть поняли и то, что самое разложение России было последствием ее настойчивости в ведении войны «до конца». С своей стороны большевики как раз к этому времени разочаровались в расчете вызвать мировую смуту и почувствовали нужду в Европе для своей пятилетки, эмансипировавшей их от подозрительной опеки Германии над их вооружениями. Момент оказался благоприятен для сближения на почве взаимной поддержки против вырисовавшейся вполне отчетливо возможности общего вражеского нападения. Это был тот момент, когда основной текст соглашения был готов, хотя большевики и опоздали его подписать. Опоздали потому, что, по обыкновению, тотчас же зазнались, как только почувствовали, что в них нуждаются.

Но затем наступил другой момент. Европейские державы не только почувствовали общую опасность, но и имели время приспособиться к ней. Муссолини оценил по достоинству Гитлера, когда тот, при личном свидании в Венеции, более часа убеждал его в необходимости аншлюсса, т. е. задел как раз самый болезненный для Италии пункт. С тех пор для Муссолини стала на очередь задача противопоставить германским притязаниям дунайскую федерацию. С другой стороны Англия, на нейтралитет которой Гитлер особенно рассчитывал в случае задуманного им нападения на Россию, постепенно освободилась от застилавшего глаза пацифистского тумана, когда Гитлер от сухопутных вооружений перешел к требованию равносильных воздушных и особенно морских вооружений. Надо вспомнить, что участие Англии в войне 1914 года вызвано было начавшимся соперничеством с ней Германии на морях. Отныне не только сближение, но в перспективе и союз с Англией и Италией мог-

ли считаться делом решенным. Интерес к русской дружбе сразу упал, а возражения против советского коммунизма выступили с обновленной силой. Во французском министерстве не было более Барту, готового проводить линию Эррио, а был практический Лаваль, с самого начала колебавшийся в вопросе о сближении с Россией. Тот момент, когда Литвинов, только что собиравшийся посетить из Женевы Париж, уехал вместо того спешно в Москву, отметил собою момент решительного перелома. Франция больше не хотела не только распространить договор на Азию — против чего протестовала с самого начала, но и не желала провести в договоре начало «автоматичности» военной поддержки в случае внезапного нападения. Это нарушило бы условия Локарнского договора, который обеспечивал Франции по крайней мере границу на Рейне. Менять верное на неверное, конечно, Франция не хотела, тем более, что вопрос о способе русской помощи в случае германского нападения оставался практически трудно разрешимым. И к заготовленному уже тексту договора прибавился «протокол», старательно обработанный без всякого участия большевиков французскими юристами. Нельзя утверждать, что «протокол» совершенно отменяет суть договора, но, несомненно, что он вносит в договор существенныя ограничения. Хотя слово «немедленно» и повторено в протоколе три раза, но, несомненно, что ни о какой немедленности военной поддержки, в обход немедленной процедуре Совета Лиги Наций, не может быть теперь и речи. Россия связана по договору всеми сложностями процедуры Лиги Наций, в которую вошла тоже в прямой связи с заключением договора с Францией. Затем военная поддержка оказывается сторонами друг другу по протоколу только при условии непосредственного нападения неприятеля на территорию контрагента. Другими словами, борьба СССР с Германией вызовет поддержку Франции только когда будет вестись на русской территории, а не где нибудь в Литве или в Польше. Наконец, все обязательства Франции по другим договорам (Локарнскому, польскому) сохраняются в силе, что ограничивает действие договора исключительно случаем столкновения с Германией. Словом, как и подчеркивали обе стороны, франко - советский договор отнюдь не похож на старый франко - русский союз. С другой стороны, можно утверждать, что договор не направлен ни на кого специально, так как всякое государство может к нему присоединиться. Этим сохранены все аппарансы пацифизма, что должно особенно успокоить общественное мнение Англии. По существу, уже авиационное соглашение Англии, как и Италии с Францией имеют характер, приближающий их к военному союзу.

Когда Лаваль беседовал с Беком в Варшаве, он еще не знал, что кончина Пилсудского предстоит в ближайшие часы. Но полк. Бек знал — и этим, вероятно, об'ясняется примирительный тон их беседы. На самом деле, со смертью Пилсудского, непримиримого противника России — царской или советской — все равно — отпало главное побуждение Польши к сближению с гитлеровской Германией. Это может привести к упрочению тех настроений, на почве которых создался франко - советский договор, ибо устраняются те противоречия, к которым приводило двусмысленное поведение Польши в последние два года. Конечно, укрепление франко - польского союза может также повести к соответствующему обесценению франко-советского.

Как бы то ни было, для России договор 2 мая принес несомненную пользу даже и в теперешнем урезанном виде. Вероятность двухстороннего нападения на Россию становится значительно слабее с изоляцией Германии. Ирредентисты разных национальностей, поднявшие в последние годы голову в прямой связи с польско - германскими планами на русскую территорию, обманутся в своих надеждах, может быть станут более склонными к сговору с русской демократией. Наконец, несомненно и некоторое влияние, которое сближение с европейскими демократиями будет иметь на изменение внутреннего режима в России. Когда пишутся эти строки, Лаваль уже указывает в Москве на недопустимое противоречие между только что заключенным договором и деятельностью заграничных коммунистов по разложению армии новых союзников. Лозунги коминтерна уже исчезли с плакатов на советских торжествах. Приходится, словом, мирить «Марсельезу» с «Интернационалом» не только в звуках оркестров, но и в симпатиях публики и в поведении государства. Не меньшую роль должно сыграть то обстоятельство, что для совместных военных действий далеко не безразлично состояние тыла союзника. Проповедь «зажиточной жизни» в советском тылу получает новый смысл, и только под условием улучшения благосостояния населения сможет иметь успех и официальная пропаганда любви к родине, особенно усилившаяся в последнее время. Лаваль уже заговорил в Москве и о сближении культурном. Чего только нельзя разуметь под этим словом, если отнестись к нему серьезно. Так, новый союзник советской власти может оказаться союзником русского народа, и европейская демократия, быть может, получит возможность, не подводя русских людей под параграфы уголовного кодекса, протянуть руку демократическим элементам населения. Если речь зайдет о подобного рода «интервенции», то мы весьма охотно сделаемся интервенционистами.

П. Милюков.

А. ЛАЗАРЕНКО

К ВОПРОСУ О «КРИЗИСЕ ДЕМОКРАТИИ»

«Демократия есть нечто большее, чем та или иная политическая форма (парламентаризм), демократия, прежде всего, философское и моральное мировоззрение, основанное на принципах свободы, равноправия, права и братства в политической и экономической области».

Эдуард Бенеш.

В нападках на демократию, — кроме парламентаризма, который врагами демократии считается уже поверженным, — наибольшим ударам подвергается система всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Связав более или менее ловко эту систему, в особенности в ее, до последнего времени, модной форме — пропорциональной, с «засилием» партий и, в частности «партийных комитетов» и лидеров, с партийным окостенением и фанатизмом, словом, со всем тем, что представляет аномалии, уродства, даже искажения самой системы, недруги демократии более добросовестные говорят о «кризисе» демократии, более беззастенчивые о «гибели» демократии, на смену которой приходят и придут диктатуры и «авторитарные» режимы. Такой прием борьбы против демократии не лишен коварства, ибо и среди государствоведов, и среди политиков, очень распространено мнение, что демократия существует лишь в том государстве, где введена т. наз. «четырехвостка». Даже барон Б. Э. Нольде утверждает: «откидывая все подробности, в этих двух положениях (1-ое: законы страны издаются представителями народа, 2-ое: эти представители избираются всеобщей подачей голосов. **А. Л.**), — все существо того идеала демократии, народовластия, который стал бесспорной и непререкаемой аксиомой политического творчества послевоенной Европы». Однако, никто добросовестно к демократии не отнесет Бисмарковскую Германскую империю с всеобщим избирательным правом, ни Австро - Венгерскую монархию, после введения в начале XX века всеобщего голосования, с господством феодальной аристократии и придворной знати. А. М. Кулишер в своей статье «Кризис демократии» («Наше Слово» № 3), тоже сосредоточивая свое внимание на введении системы всеобщего избирательного права, приводит, однако, ряд примеров, когда государства, установившие эту систему, нельзя «серьезно считать демократическими».

Таким образом, всеобщее избирательное право может связываться и с недемократическими формами правления. Для признания государственного режима демократией нужно еще нечто более глубокое, более существенное, система демократии гораздо сложнее, чем один государственный институт, пусть очень важный, но все-таки юридически - технического характера, являющийся способом народного участия в государственном управлении.

II.

Существует множество определений понятия «демократия». Не говорит ли это множество, с одной стороны, о неудовлетворительности всех и каждого из определений, а, с другой стороны, о широте и глубине этого понятия, не вмещающегося в какую либо формулу. В этом множестве определений остановимся на двух-трех новейших.

Проф. Ганс Кельзен («О сущности и ценности демократии») определяет демократию, как совокупность таких, определяющих законодательное творчество правовых норм, при которых весь правовой порядок устанавливается теми, кто должен быть этому порядку подчинен. По определению профессора Стефена («Проблема демократии»), демократия — это непосредственное или посредственное участие всех дееспособных в политическом и хозяйственном осуществлении власти в обществе, однако, не как самоцель, а как нечто целиком подчиненное общему благу; демократия — это социальное распределение власти, возлагающее на всех ответственность за, касающееся общего блага, осуществление ее. По поводу первого из этих определений Оскар Требич указывает — и нельзя с ним не согласиться — что оно, с формальной стороны, довольно исчерпывающее. Но, говорит Требич, демократия нечто большее, нежели только парламентский метод творчества права, «юридическая правда — не вся правда». Односторонность второго определения совершенно очевидна, хотя бы уже потому, что, именно демократия устанавливает публичные права **свободы от власти.**

П. Б. Струве в докладе «Понятие демократии (юридическое и политическое) и проблемы современной демократии», сделанном 11 декабря 1930 г. в открытом заседании Белградского Научного Института, но, кажется, неопубликованном (по крайней мере, в «Записках» Института), подразумевает под демократией, в смысле юридического понятия, такое устройство государственного властвования, при котором суверенитет, или верховная власть как

бы она ни была технически построена, принадлежит всем гражданам, независимо от их социального положения (тезис 2-ой к докладу). Для этого понятия демократии, по Струве, существенны лишь два момента: всеобщность избирательного права в смысле неотстранения от этого права никакой социальной группы и исключительная принадлежность верховной власти этому всеобщему гражданину (тезис 6-ой).

Рядом с ним, П. Б. Струве ставит другое юридическое понятие, «отличное от понятия демократии», правового государства». Это понятие конституируется из признания неприкосновенных для государства неот'емлемых прав человека и гражданина. Понятием правового государства об'емлется отношение человеческого организма к государственной власти, как бы она ни была организована, понятие же демократии определяет организацию этой власти (тезис 10-ый). Из сочетания двух точных юридических понятий: демократии или народоправства и «правового государства» получается, учит Струве, ходячее понятие демократии, по существу двойственное (тезис 11-ый).

Научные искания безграничны, возможность абстрактной дифференциации явлений и понятий, если не беспредельна, то очень широка. Пусть точны те два юридических понятия, которые устанавливает П. Б. Струве, жизненно же «двойственное», «политическое» понятие демократии. Юрист в политико-правовых построениях, и, тем более, политик оперируют не с совершенно отвлеченными понятиями, полученными лабораторным путем, а с явлениями, наполненными жизненным содержанием.

После же произведенной дифференциации «двойственного» понятия демократии, оказывается, что абстрактно, «неот'емлемые права человека и гражданина» входят лишь в понятие «правового государства», но не в понятие демократии. Однако, до установления демократии эти «неот'емлемые права» существуют в государствах, в лучших случаях, лишь в конституционных законах, пришедшие же на смену демократии диктатуры и авторитарные режимы, сохраняя даже всеобщее избирательное право — существенный признак юридического понятия демократии — начинают с того, что от'емлют эти права, видя в них, и справедливо, оплот демократии. В жизни, в действительности, «неот'емлемые права человека и гражданина» неразрывно слиты лишь с демократией, осуществляются только в демократических государствах.

Да и сам П. Б. Струве, «как политик», оперирует политическим понятием демократии. В лекции на тему «Кризис советчины и наши задачи», прочитанной 29 марта 1928 г. в большом зале Виноградского Народного Дома в Праге, П. Б. Струве, рисуя «тактическую утопию» — возможность нам «в недрах советского строя также, как и при самодержавии, формулировать наши требования, начать бороться» — спрашивал: «За что стали бы мы там бороться?» Ответ его самого гласил за: 1) свободу, 2) равенство, 3) «передачу всех вопросов на свободное обсуждение всего народа». «Это, говорил П. Б. Струве, основные положения либерализма или — если употреблять более распространенное и утвердившееся понятие — это программа демократизма. Но без этого умонастроения мы не можем в России никуда двинуться. Без этих принципов формальной демократии, наполненных огромным жизненным содержанием, нельзя бороться». («Дни» №1379 от 4 апреля 1929 г., письмо из Праги Е. Д Кусковой «Вновь преображенный Струве»).

III.

Достоинством положений П. Б. Струве является то, что они ясно и четко показывают отмеченную выше сложность и ценность понятия демократии. Послереволюционным анти - демократам, о элементарной неосведомленности которых так ярко говорил А. М. Кулишер в упомянутой статье, надлежит неустанно раз'яснять эту сложность и ценность.

Система демократии является синтезом идейных течений, на разработке которых человечество трудилось века, и покоится она на равновесии нескольких и потому соотносительных начал — народовластия, свободы и равенства — выкованных в борьбе с угнетающим народ абсолютизмом (какие бы формы и названия он ни принимал), порабощением личности и общества и унижением личного человеческого достоинства привиллегиями немногих групп населения. Учение Руссо, впервые формулировавшего этот синтез, что нет равенства без свободы — ибо свобода есть содержание истинного равенства — и свободы без равенства — ибо свобода, неограниченная равной свободой всех прочих, есть произвол, — живо, оно вошло в правосознание народов с высоко развитой культурой, оно не может не светить, как маяк избавления народам России в «концлагерях» и народам, угнетаемым разноцветными рубашками в разных авторитарных казармах. Положение П. Б. Струве: «без этого умонастроения (свободы и равенства) мы не можем в России никуда двинуться», справедливо для всех порабощенных стран.

«Свобода и равенство, как и родина, как здоровье, о них вспоминают, когда их лишены». И послереволюционные анти - демократы, для которых в местах их рассеяния эти блага демократии стали обиходом, мучительно чувствуя лишение родины, могут осознать лишение свободы лишь тогда, когда в стране их пребывания уничтожаются: **свобода личности и неприкосновенность жилища, свобода местожительства и передвижения,** когда полицейская власть, по своему усмотрению, может и арестовать и произвести обыск, разрешить или отказать в проживании в известном месте, разрешить или отказать в просьбе на переезд в другое место ради отыскания

хлеба; **свобода слова и печати, переписки,** когда приходится жить, как во тьме; **свобода совести, науки, союзов и собраний,** когда подрываются самые основы развития личности ради достижения человеческого существования. Наконец, в понятие свободы входит так наз. **политическая свобода,** — право участия: в образовании власти (в выборе законодательных палат, главы государства, органов местного самоуправления) и в осуществлении власти (в принятии или отклонении законодательных предположений — референдум, плебисцит).

Точно также и другая ценность демократии — **равенство,** столь страшное для пореволюцион. антидемократов, ибо оно устраняет, по их недомыслию, возможность «отбора», «властвующей элиты», выдвижения «сильных людей», «вождей» — необходимейшая основа правопорядка, предпосылка и для «отбора» и для выдвижения настоящих руководителей государственной жизни.

Содержание понятия равенства — в признании, что несоизмеримые по своим качественным отличиям личности равноценны в смысле равенства возможности для каждого из них участвовать во всех сторонах культурной жизни. В правовом аспекте, по существу преобладающем, равенство есть прежде всего равенство перед законом, перед судом, в правах (отсутствие привиллегий, существующих, напр, в монархиях, по дворянскому происхождению, в СССР, по пролетарскому). Такое содержание понятия равенства только и дает возможность выделения, действительно, по своим личным качествам «знатных людей». Вызывающие у анти - демократов уважение такие республиканские вожди, как Клемансо и Пуанкарэ и могли выдвинуться на первые места в государстве в силу этой ценности демократии. Вне демократического режима, если не полагаться на случай, они остались бы: один крупным публицистом, другой выдающимся адвокатом. Да и Муссолини и Гитлер получили возможность развития своих незаурядных качеств только благодаря этой системе публичных суб'ективных прав, в частности, благодаря равенству в правах.

Необходимо подчеркнуть еще две необычайно важные, в особенности в наше тревожное время, ценности демократии — **пацифизм и солидарность.** Это ценности демократии потому, во 1-ых, что основным идеологическим моментом демократии является гуманность и не как моральное понятие, а как норма, демократическое государство должно жить гуманизмом, а во 2-ых, потому что народы, в целом, миролюбивы, ибо миролюбивы трудовые и демократические массы населения. Воинственно настроены и агрессивны только небольшие, но крепко спаянные милитаризмом, общностью своих интересов, небольшие группы населения и так наз. военные сферы. Стремление же к миру дает основу и солидарности.

Нет сомнения, что если бы демократия не только «выступала» после мировой войны, но и стала бы организованной, даже не мировой, а лишь европейской силой, то и Лига Наций приобрела бы иной вес и характер, и опасность войны не висела бы Дамокловым мечем все эти годы над европейскими народами.

Вместе с тем, вынужденные вести войны демократии лучше организуют защиту родины, чем, даже, такая самая милитаристическая монархия, как Германия Вильгельма II. Об этом свидетельствует такой военный специалист, как Людендорф (которого никак уж не заподозришь в демократофильстве) в своей книге: «Мои воспоминания». «В Берлине не могли проникнуться таким представлением о необходимостях, вызываемых войной, не могли найти железной воли, которая бы охватила весь народ и направила бы всю его жизнь и все помыслы на одно: на войну и победу, **как умели это сделать великие демократии Согласия,** Гамбетта в 1870 г. Клемансо и Ллойд-Джордж в последнюю войну об'единили все помыслы своих стран в идее победы». (т.I, стр. 5).

IV.

Но народы сами отказываются от свободы. И если у нас, на родине — в исключительных исторических условиях путем захвата власти, то в «культурной» Германии по всем правилам всеобщего, равного и тайного голосования. Смешно, при наличии фактов, утверждать: «тем хуже для фактов». Но и фактопоклонство неубедительно. И как было бы недостойно во времена рабства, или крепостного права утверждать, что люди сами себя поработили, что они безразличны к свободе, — так и теперь было бы недобросовестно не замечать признаков борьбы — разных — в зависимости от условий места и времени — против диктатур и авторитарных режимов. Эти признаки борьбы слабые, но нужно помнить, что, ведь, ныне диктатуры вооружены так, что устраняются классические методы борьбы с насилием власти: демонстрации, баррикады, восстания. Порвав с гуманностью — этой подосновой «гнилой демократии», — диктатуры удерживают власть, применяя против подвластных газы, аэропланы и все виды индивидуального и массового террора.

Вопрос о смене демократического авторитарными режимами — вопрос сложный, выходящий за пределы этой статьи. Возможно, что здесь оправдывается схема проф. Бартелеми, по которой демократия это норма, кризисы неизбежны, но временны и обречены на новое возвращение к «системе равновесия», осуществляемой в демократии. «Временные зигзаги массового сознания не могут изменить целей истории, хотя и отдаляют их достижение». (Е. Д. Кускова). Интересно отметить, что к схеме Бартелеми примыкает и П. Б. Струве: «реальная нестойкость» **(на наш взгляд временная,** курсив мой **А. Л.)** этого сочетания (понятия демократии и пра-

вового государства А. Л.) составляет источник того сложного явления, которое принято называть кризисом демократии», говорит П. Б. Струве в тезисе 12-м вышеупомянутого доклада. Значит, кризис, если он и есть, то только временный, демократия — норма. Вероятной причиной появления «вождей» являются и недостатки демократической государственной машины, допускающей возможность использования демократического аппарата для уничтожения демократии.

V.

Сводя воедино концы и начала, следует признать, что демократия отнюдь не совокупность «демократизированных» государственных установлений. Нужно всегда иметь в виду отличие сущности демократии от форм ее воплощения, несовершенных, как всякое деяние рук человеческих. В частности, демократия отнюдь не, якобы поверженный уже, парламентаризм, который есть одна, правда, наиболее распространенная форма демократии. Но и его недостатки не неисправимы. Даже незначительный ремонт, произведенный во Франции (реформа наказа), дает уже положительные результаты. Всеобщее же избирательное право есть лишь одно из средств участия населения во власти. Излишества, допущенные в построении этого института системой пропорциональности, давшей такой богатый материал для разговоров о засилии партий и их комитетов и лидеров, постепенно и неуклонно отпадают. Существует не «кризис демократии», а «кризис» отдельных ее форм и институтов и, конечно, сильно на ней отражающиеся многочисленные кризисы, — «кризис интеллигенции» (Бенеш), «кризис морали огрубевшего после войны и революций общества», «кризис капитализма» в виде охватившей после мировой бойни и страны победительницы и страны побежденные экономической депрессии, «экономического национализма» и т. д. Молодая, как образ государственного правления, демократия ищет, находит и найдет достойные ее содержания формы и институты.

Вся совокупность демократических установлений (в частности, независимый суд, вместе со свободой, немедленно уничтожаемый авторитарными режимами) только средство обеспечения основных ценностей демократии: режима права, свободы, равенства, человеческой солидарности.

«Если эти идеи плохи, тогда — и только тогда — не годится и демократия» (Бенеш).

Но несостоятельность этих идей никто еще не доказал и не докажет.

Только упражнением этих ценностей демократии создается человек - гражданин и гражданское общество, а не тягловая «человеко - единица» и толпа раболепствующих перед вождем индивидуумов в СССР и в прочих странах диктатур. Только сохранение демократии и восстановление ее создадут возможность развития солидарности человечества, укрепление пацифизма, что послужит основой для «морального разоружения» — необходимой предпосылки военного разоружения и обращения громадных непроизводительных трат на развитие культуры.

А. Лазаренко.

К. АРИСТОВ

Организация демократии

За последнее время, наряду с ожесточенной критикой, направленной против самого существа демократии, стали раздаваться, подчас и из дружеского лагеря, голоса, указывающие на несовершенство некоторых демократических учреждений. Нам нет надобности закрывать на это глаза, как нет у нас оснований приходить в паническое настроение по поводу заклинаний наших врагов о конце демократии. Мы настолько верим в ценность демократических идей и так уверены в жизненности демократии вообще, что можем совершенно спокойно подойти к вопросу о несовершенстве некоторых государственных форм демократии.

Демократия — молодая система управления и, вполне естественно, что у нее возможны организационные недостатки, особенно в переживаемое нами время, исключительное по трудности и напряженности.

Но организационные возможности демократии так велики, демократические государственные формы так гибки и разнообразны, что вопрос о реформах внутри демократии может быть сведен к замене несовершенных демократических учреждений другими более совершенными, доказавшими свою жизненность на опыте других демократических стран.

Почти все обвинения в нежизненности демократии сводятся в настоящее время к утверждению, что демократия не может создать сильного и устойчивого правительства, вследствие чего в демократии невозможна определенная, рассчитанная на долгий срок правительственная политика, без чего в свою очередь невозможны смелые и решительные реформы.

Говоря вообще, демократия есть действительно «беспокойная», особенно для правителей, государственная система, в противоположность гробовому спокойствию стран с диктаторским режимом.

Вся государственная жизнь в демократии основывается на народных массах; поэтому от населения

требуется достаточно высокий уровень сознательности, самостоятельности, способность и желание принимать решение в ответственный момент. И в виду того, что массы не всегда с достаточной быстротой и гибкостью могут успевать в своих настроениях за жизнью, в ходе демократической государственной машины могут произойти задержки.

Но самая эта медлительность (которая далеко не всегда имеет место) в образовании большинства, необходимого для проведения той или иной реформы иногда является спасительной и предохраняет страну от слишком поспешных и необдуманных решений, которые могут быть гибельными для страны.

Но совершенно нельзя согласиться с мнением противников демократии о специальной неприспособленности демократической государственной организации к проведению решительных и последовательных мероприятий в борьбе с экономическим кризисом. Прежде всего нужно решительно покончить с недоразумением, которое враги демократии так недобросовестно поддерживают и раздувают и которое состоит в утверждении, что демократическая система явилась причиной кризиса во многих странах. Кризис разразился во всем мире с почти одинаковой силой и зависит от более глубоких причин, чем те или иные политические неустройства. И как раз некоторые демократические страны скорее стали на путь изживания кризиса, в то время, как страны, изменившие демократии ради «спасительного» диктаторского режима, никакого значительного улучшения в экономической области не испытывают. В частности в Германии, после уменьшения безработицы, вызванного оживлением военной промышленности, число безработных вследствие ухудшения хозяйства страны опять увеличилось на 700.000 чел. за последние полгода, в Италии также никакого значительного улучшения нет. Соединенные же Штаты С. Америки, в рамках своей демократической организации и не подавляя гражданских свобод, производят руками своего президента Рузвельта смелый и решительный опыт реорганизации своего хозяйства. Из парламентских демократий укажем на Англию, правительство которой уже в течение довольно долгого времени последовательно и твердо проводит определенную экономическую политику, давшую чрезвычайно ощутительные результаты.

Континентальным парламентским системам менее посчастливилось. Об'ясняется это, помимо общих причин, некоторыми преувеличениями в последовательном проведении государственной организации демократических принципов. В частности во Франции одно время внутреннее политическое положение чрезвычайно осложнилось вследствие многопартийной системы народного представительства и борьбы партий между собой. Но в конце концов, опасность во-вне и напряженность во внутреннем положении побудили политические партии к об'единению и к постепенному изживанию некоторых организационных недочетов в местной парламентской системе. Политический кризис потерял в значительной степени свою остроту и правительство Фландэна получило возможность провести ряд экономических реформ. Заслуга в этом успокоении страны принадлежит в значительной степени народным массам Франции, не потерявшим спокойствия и хладнокровия в трудную минуту, несмотря на истерические призывы двух крайних флангов французского политического фронта к так называемым «решительным» действиям, едва не приведшие страну к междуусобице. И здесь демократия внутри себя нашла силы для преодоления кризиса и для борьбы за свое существование в рамках демократических учреждений, не нарушая демократических свобод.

Все же в результате французского опыта, а также последних событий в Бельгии, парламент которой, вотировав доверие министерству Ван-Зееланда, предоставил ему свободные руки для осуществления его программы, нам представляются необходимыми для более успешного функционирования демократических учреждений в настоящее тяжелое время некоторые реформы континентальной парламентской системы: сокращение числа политических партий, усиление авторитета правительства, укрепление связи между правительством и народом и т. д. Границы этой реорганизации парламентской системы определяются опасностью узурпации со стороны представителей власти, и необходимостью сохранения элементарного и действительного контроля над властью со стороны народных представителей.

Вопрос о реформах внутри демократии может осложниться, если будут происходить дальнейшие изменения в экономическом строении современных стран в сторону решительного установления системы так называемого управляемого хозяйства. Тогда для многих друзей демократии станет вопрос о соответствии современных форм политической демократии вновь создавшейся экономической структуре общества.

Уже сейчас раздаются голоса, призывающие к дополнению политической демократии демократией корпоративной, промышленной или рабочей. Конечно нужно отличать эти проекты от замены вообще нынешней системы демократии корпоративной системой представительства, каковая система там, где она осуществляется, никакой демократии и не представляет и является опорой авторитарных режимов.

Сторонники дальнейшего углубления демократии в сторону «демократизации и оправовления хозяйственной жизни» ссылаются на некомпетентность политических парламентов для полного руководства хозяйственной жизнью страны и на опасность для демократических свобод соединения в одних руках экономической и политической власти. Теоретически рассуждая, такое новое разделение властей могло бы действительно до известной степени явиться гарантией против подавления личности государственной властью. Но в силу чрезвычайной

трудности практического разграничения политической и экономической стороны в государственной жизни, жизнь неизбежно приведет к установлению преобладающего влияния или хозяйственного или политического представительства, что естественно ослабит смысл этого разделения властей. Кроме того сосредоточение большой экономической мощи в руках хотя бы только одной хозяйственной (независимой от политической) власти, в конце концов, дела не меняет. Важна степень проникновения государственной власти в хозяйственную жизнь граждан и этому проникновению в демократии должны существовать пределы; некая определенная сфера экономической самостоятельности должна быть обеспечена каждому гражданину и является такой же гарантией свободы личности, как и политические гарантии. Это положение не означает, конечно, призыва к забвению общих интересов во имя интересов частных. Солидарность должна существовать, но только солидарность между гражданами свободными и независимыми. Гармония между личностью и коллективом вещь вообще трудно достижимая и возможная только в демократии с ее уважением к правам каждого гражданина и с ее государственной организацией, направленной к **благу всех и каждого.**

Что касается утверждения о лучшей приспособленности хозяйственно-корпоративного парламента к решению вопросов экономических, то здесь нужно различать вопрос о лучшей компетентности такого правительства по сравнению с парламентом политическим и вопрос о работоспособности парламента, об его способности принимать быстрые и энергичные решения. И если трудно спорить по вопросу о лучшей компетентности хозяйственно - корпоративного парламента, то остается под большим сомнением, какое представительство, по природе своей, более приспособлено к принятию быстрых и обеспечивающих общий интерес решений. Не надо забывать, что колебания французского парламента в проведении денежной реформы, вызвавшие несколько раз падение министерств и тем давшие пищу для разговоров о кризисе демократии во Франции, зависели в значительной степени от давления организованных групп — налогоплательщиков с одной стороны и чиновников с другой. Нет оснований полагать, что борьба этих интересов при непосредственном столкновении в хозяйственном представительстве была бы менее острой и напряженной. Для правильного и успешного хода дел при столкновении столь разнообразных и острых интересов, которые будут представлены в хозяйственном парламенте необходим арбитр, принимающий решения в интересах общего блага.

Роль такого арбитра в демократических странах должна играть сильная правительственная власть, опирающаяся на народное **политическое** представительство. Наилучшей схемой сотрудничества экономического и политического представительства, поскольку оно вызывается обстоятельствами, по нашему мнению, могло бы быть создание экономического совета при политическом представительстве, которому и принадлежала бы прерогатива окончательных решений.

Резюмируя все вышесказанное, мы можем с уверенностью сказать, что какие бы изменения в социальной и экономической структуре современного общества ни происходили, демократическая организация государства со своими **разнообразными** и **гибкими** формами будет отвечать требованиям жизни, конечно, до тех пор, пока государство не ставит себе целью закрепощение личности.

К. Аристов.

А. МАРКОВ

Уход от пролетариата

«Будем крыть дальше»..
(Название главы из романа Гладкого «Цемент»)

Был ли идеализм у коммунистов в октябре 1917 года, когда они, пустив в оборот невиданными порциями демагогию, пришли к власти? Была ли вера в творческие способности пролетариата, в его миссию создания бесклассового общества, равного для всех и для всех несущего счастье? Была ли вера у пролетариата в коммунистическую партию и в ее способность вести пролетариат по пути к социализму?

Учитывать и измерять явления морального порядка чрезвычайно трудно. Но, вероятно, в смуте и тумане революционных настроений 1917 г., в условиях тяжелой жизни, при отсутствии политической культуры русскому пролетарию казалось, что большевики это уж несомненно — «наши».

Ведь даже в глазах крестьянства Ленин не всегда был разрушителем крестьянского благополучия. Издали трудно было было разглядеть. Ленинская политика издали могла казаться извращенной инстанциями от Москвы до деревни.

Ф. Панферов в своих «Брусках», выпущенных уже в период коллективизма, передает мужицкие разговоры о коммунисте Жаркове, работавшем по пропагандистской части в деревне.

Кто он — Жарков? — думали мужики.

«Рядились, спорили, ругались, в конце концов остановились на одном:

— Генерал - губернатор он по старому.

Такой вывод ошарашилъ мужиков. Один из них предложил:

— Надо бы с хлебом - солью, лицо такое большое а мы табуном приперлись.

Бывшие красноармейцы подняли мужиков на смех:

— Ты думаешь, тебе с эполетами явится?.. Нет — эполет тебе не видать!

— Я не об эполетах, а, к примеру, обиды как бы не быть...

И во время этих разговоров мужичку Штыркину вдруг пришла в голову шалая мысль, в которую он целиком уверовал:

...Вдруг он вскочил, сунулся к Захару:

— Ты, слышь-ка Захар Вавилыч. Он, слышь-ка, Жарков этот, манифест привез.

— О чем? — тихо спросил Захар.

— А чтоб, заикнулся Штуркин, — чтобы нашему брату по лошади.... Что, не веришь. Правды сказывали, что нашему брату по лошади, семян и еще чего то... Тогда я корову продавать не буду...

Если в период военного коммунизма был идеализм у коммунистов и у рабочего класса и была взаимная вера друг в друга, то этой вере был нанесен страшнейший удар. Военный коммунизм нельзя рассматривать только с точки зрения ленинского социалистического строительства, окончившегося катастрофически, но и с точки зрения моральных взаимоотношений между партией и пролетариатом.

Партия не только в те годы вела гражданскую войну, она пыталась перестраивать и хозяйственные отношения. Социализм строили и это строительство привело к одичанию страны.

Один из действующих лиц романа Гладкова «Цемент» говорил воспеваемому автором советскому герою, Чумалову:

— Вот, товарищ Чумалов... Тебе — к прицелу. — гляди... Взяли, дескать, в свои руки. Вон оно какое все... Прогнали всех хозяев... А гляди, ядри твою корень... Вдрызг! Кто клепку тащит, кто медь с машин дерет, кто ремень режет... Навластвовали!

Провал социалистического строительства создал новую мораль для коммунизма. Так глубоко сидевшая в вождях мораль, сводившаяся к принципу, что для социализма «все позволено», нашла свое яркое осуществление в нэповских мероприятиях. Нэп — был ударом по остаткам коммунистов - идеалистов и по идеалистам из пролетариата. Ко времени нэпа партия закалилась в терроре, в презрении к человеку вообще, будь он хотя бы и пролетарием. Пролетарий увидел в нэпе жестокую правду, убедился в несбыточности своих упований.

— Я этого не могу пережить, говорит в том же «Цементе» преданная коммунизму Поля, потому что не могу понять, не могу найти оправдания.. Мы разрушали, страдали... Море крови и голод... И вдруг — сразу... воскресло и заулюлюкало... И я не знаю, где кошмар: эти ли годы борьбы, страданий, крови, жертв, или этот праздник жирных витрин и пьяных кафе... Этого я не могу принять — с этим жить.

Полю вычистили, как выбросили из партии многих, неприявших цинизма коммунистических изворотов. Для дальнейшего строительства нужен был закаленный, стальной, холодный к человеческим страданиям коммунист, нужен был к тому же и бессовестный коммунист.

Вера в пролетария вредна и ненужна, да он и не оправдал этой веры. Человек — это только «ничтожный элемент всеобщего», это «техническое понятие». Недаром Гладков в своем прославленном романе так восторгается машинистом Брынзой, влюбленным в сталь машин.

— Видишь? Ребята заработали всеми поджилками. Забыты, друг, пустоболт и чехарда этих годов... Вот что значит сила машины. Пока живы машины — не убежать от них никуда. Тоска по машине сильнее тоски по зазнобе...

«Будем крыть дальше» — стало правилом вождей. «Будем крыть дальше» — что бы ни случилось.

Партия все дальше отходила от пролетариата, пролетариат — все дальше уходил от партии.

Мы мало обращаем внимания на следующее, чрезвычайно показательное, явление. Вспомним прошлые годы. Тогда партия звала рабочих в партию. Были «наборы» в партию и по случаю успехов этих мероприятий, приводивших к увеличению количественного состава партии, всегда было ликование. Что наблюдается теперь? Теперь новых наборов нет, но зато чистки стали постоянным явлением и десятки тысяч коммунистов из партии изгоняются.

В своем докладе на последнем (январь 1935 г.) с'езде советов Молотов привел данные о радикальном изменении социального облика страны. Вот эти данные:

	1928 г.	1934 г.
	(в тысячах)	
Пролетарское население	26.343	47.118
Колхозники, кооперированные кустари и ремесленники	4.406	77.037

Сталин в своем докладе на 17-ом с'езде компартии (январь 1934 г.) указал, что число служащих и рабочих с 14,5 миллинов в 1930 г. поднялось до 21,8 мил. в 1933 г.

Вожди в этой социальной перестройке усматривают победу социализма. Но почему же так слаб

рост коммунистической партии? Если социализм побеждает, его успехи поразительны и бесспорны, если в этом уже нет ни для пролетарских, ни для колхозных масс никакого сомнения, то почему же эти массы, захваченные социализмом, не идут в партию?

Военный коммунизм с его разрухой был периодом роста партии. Росла партия даже в период нэпа. И теперь во время пятилеток, когда социализм как говорят в Москве, почти построен, партия, казалось бы, могла иметь десятки миллионов членов.

Но вот данные о составе партии.

На 16-ом с'езде партии (июль 1930 г.) было представительство от 1,9 мил. коммунистов. На 17-ом с'езде (январь 1934 г.) было представительство от 2,8 мил. партийцев. Прирост есть, но он совершенно ничтожен по сравнению с ростом пролетариата и колхозного крестьянства.

Рост социализма в стране в самой ничтожной степени отражается на росте коммунистической партии. Партия стала вне класса, совершенно от него оторвалась. Партия в самом своем возможном росте теперь не может видеть величайшей опасности для своей диктатуры. «Сознательный» пролетарий — враг партии. Партии нужен механизированный пролетарий, механизированная пролетарская «общественность». Если в партию сейчас — при победе социализма впустить ту уйму пролетариата и колхозного крестьянства, которая появилась в результате проведения в жизнь пятилетних планов, то от «побед» социализма может ничего не остаться, ибо, войдя в партию и получив права, пролетарий, созданный пятилеткой, и колхозник начнут наступление против сталинского социализма. Пролетарий и колхозник — злейшие враги сталинского социализма.

Их отношение к социалистическому строительству могло быть в той или иной степени положительным, когда шло распределение чужого имущества. Но сейчас партия пришла к периоду, когда социализм она может строить только путем ущемления пролетария, колхозного крестьянина и единоличника, какого бы социального ранга он ни был. Она должна ущемлять пролетария и крестьянина, так как всех тех, кого она ущемляла раньше и по практическим причинам и по причинам политическим, больше уже нет. По молотовским данным в 1928 г. было 6.801 тысяча буржуазии (б. помещики, крупная и мелкая городская буржуазия, торговцы, кулаки) против 22. 100 тысяч буржуазии в 1913 г. (по его же данным) — это немного. Но всетаки несколько миллионов, из которых что то можно было выжать, в особенности после обогащения в период нэпа. Но если в 1934 г. от всех этих миллионов осталось только... 174 тысячи буржуазии (опять таки по молотовским данным) то тут уже нажим ничего не даст. Да и что это за буржуазия? Это буржуазия, конечно, только в историческом смысле.

А выжимать надо. Почему? По той причине, что издержки социализма не падают, а растут. Как они велики? Учесть, конечно, нельзя, но иметь представление об этом возможно. Возьмем ассигнования на промышленность, ее доходы и ее дефицит за ряд лет (по бюджетам):

Годы:	1932	1933	1934	1935
Дефицит (в мил-дах)	8,4	12,5	13,8	14,6
Доходы (в мил-нах)	972,9	725,5	926,4	710,5
Ассигн. (в мил-дах)	9,1	13,8	14,7	15,3

Конечно, в этих ассигнованиях огромные суммы идут на новое строительство, но для плательщика советских налогов это обстоятельство не утешительно. Все едино — платить ли на покрытие обыкновенных или чрезвычайных расходов. Важно, что теперь платить надо ему — пролетарию и социализированному крестьянину, ибо платить больше некому.

И партия для получения нужных ей сумм, помимо натурального обложения, разоряющего крестьянство и добивающего единоличников, обрушилась на все население жесточайшим хлебным налогом.

Вот бюджеты с их основными группами дохода:

	1933	1934	1935
	(в миллиардах рублей)		
Налог с оборота или точнее универс. косвен. налог	21,7	29,6	28
Другие доходы	13,3	18,6	13,9
Налог на хлеб	—	—	24

При таком положении дела коммунистической партии ничего не остается, как можно дальше уйти от пролетариата и социализированного крестьянства, быть над ними, но не с ними. Партия строит социализм. Для кого? Сейчас строительство имеет только один смысл — строительство для партии — для сохранения ее диктатуры. И чтобы продолжать это строительство, нужен живой и мертвый материал. Может быть, этим строительством воспользуются будущие поколения? Вероятно, кое чем и воспользуются. Но мы сейчас говорим о настоящем. Существенные черты настоящего ясны.

Для искренних коммунистов было невыносимо зрелище нэпа, когда «заулюлюкал» частный капитал и когда среда новой буржуазии обильно пополнялись пролетариями, набившими руки на спекуляции в период социалистического строительства Ленина и имевшими в немалом числе случаев «первоначальное накопление», созданное путем «социалистического» распределения «национализированного» имущества бывшей буржуазии.

Но нэп был более приемлем для пролетариата, ибо стало легче жить и открылась некая возможность выйти из пролетарского класса, что практически было более важно, чем сохранение пролетарской классовой солидарности. Но при нэпе «улюлюкал» частный капитал, хотя его стиль был

усвоен и государственным капитализмом советской власти.

Ныне «улюлюкает» партия, которой принадлежат богатые магазины и пьяные кафе... Их хозяин — Сталин. Для входа туда нужны деньги и большие деньги. У пролетария их нет и быть не может, ибо пролетарий нужен для «социалистического» строительства, он должен трудиться и платить.

Так от ликвидации буржуазии и раскулачивания кулачества партия пришла к созданию собственного капитализма.

Уродство такой эволюции слишком очевидно для пролетарских и крестьянских масс.

Но теперь партию это не волнует.. У партии есть правило:

«Будем крыть дальше». **А. Марков.**

ЕЛЕНА УНБЕГАУН

На литературном фронте

Хорошо понимая огромную роль литературы в культурно - общественной жизни человека, советская власть всегда уделяла большое внимание «литературному сектору» на культурном фронте. Она всегда стремилась сделать литературу своим орудием, не только в целях простой пропаганды, но и для более широких задач коренного перевоспитания масс в духе марксистско - ленинских идей. На этом фронте велась постоянная борьба за кадры своих, пролетарских, писателей.

Эту борьбу можно разделить на три периода. Из них первый, годы военного коммунизма, период, когда старые писатели, замкнувшись в свои тесные кружки, почти ничего не писали, уступив место так наз. «пролеткультовцам». Тогда же появилась группа «Кузница», впервые об'единившая писателей и поэтов, вышедших из рабочей среды. Будучи экзальтированно настроенной, она отражала «планетарные» замыслы и упоение победой революции до возникновения нэпа. С нэпа начался второй период в литературе, давший писателям относительную свободу писать без политической тенденции в начавших тогда издаваться чисто литературных журналах: «Вестник литературы», «Дом искусств» и т. д.

Всеобщая передышка после голодного времени гражданской войны сменилась обостренной борьбой между представителями старых литературных традиций и новыми группировками без знаний, но с верой в партию.

Такая группа, как « На посту » (порождение «Пролеткульта»), была в коммунистическом литературном авангарде, но компартия не решалась еще вести решительную атаку на литературном фронте.

Ленин вел политику постепенного завоевания, исходя из соображения, что народную психику насильно социалистической не сделаешь, что она будет меняться в зависимости от успехов экономического социализма.

После его смерти XIII-ый с'езд компартии выносит резолюцию о проведении политической линии в области литературы. Настроение становится подавленным не только у старых писателей, не могущих приять советской власти, но и у молодых, занявших примирительную позицию, например, у «Серапионовых братьев», группы значительной по количеству талантливых имен и по влиянию, которое она оказывала на вышедших из народной толщи писателей.

Это время характеризуется значительным влиянием на литературу чуждых для советской власти элементов и появлением так называемых «попутчиков», если не разделявших чистой идеологии партии, то и не мешавших ей, поскольку эти попутчики верили в возможность экономического под'ема страны и эволюцию советской власти. В этот период еще была возможна свобода художественного творчества вне рамок партийных заданий. С началом же пятилетки одной только лояльности стало недостаточно, понадобилась определенная политическая установка, классовый подход и восхваление «гигантов стройки». Цензура стала уже указывать не только, что писать, но и как писать, а критики, в большинстве своем состоящие из партийцев или старающихся попасть в партию, поддерживали цензуру, критикуя произведения с точки зрения выдержанности идеологии.

Из молодых писателей с социалистической зарядкой были образованы «ударные кадры», посылавшиеся на места для пропаганды очередных лозунгов партии. Эти кадры, в большинстве своем малокультурные, должны были «технически натаскиваться» старыми писателями и попутчиками, в порядке обязательной «труднагрузки». Пользуясь поощрительным вниманием власти, ударники чувствовали себя настоящими носителями марксистских идей, и поэтому относились свысока к «примазавшимся приспособленцам»; тем не менее влияние «приспособленцев» на молодых и талантливых было велико, и критика то и дело уличала начинающих писателей в буржуазных настроениях. Надо было ослабить это влияние, отделив писателей новой формации от попутчиков. С созданием Российской ассоциации пролетарских писателей (Р. А. П. П.) эта цель была достигнута. Ведущую роль в Р. А. П. П. играла ее коммунистическая фракция, она давила

партийным прессом не только на членов ассоциации, но и на попутчиков, принужденных в собственных интересах зорко следить за генеральной линией Р. А. П. П. Эта ассоциация была школой критиков, там создавались теории и методы анализа художественных произведений. Большое распространение получил метод «диалектического материализма», который определял в течение ряда лет характер критики. Вскоре, однако, между отдельными группами внутри Р. А. П. П. началась борьба, в результате которой возглавлявшийся Переверзевым, Дебориным, Стэном знаменитый «Литфронт», впоследствии соединившийся с «Лефом» (Горбачев, Родов) и получивший название «меньшевиствующей школки», был уличен в сочувствии «право-левацкому» блоку Сырцова-Ломинадзе. Р. А. П. П. обвинили в запаздывании с самокритикой, в допущении существования враждебной литературно - политической группы; это повело сначала к реорганизации, а затем и к полной ликвидации Р. А. П. П. постановлением Ц. К. компартии от 23 апреля 1932 года.

Правительство убедилось, что подобные организации могут легко превратиться в замкнутые кружки, враждебно настроенные к генеральной линии партии. Вместо Р. А. П. П. был создан единый союз советских писателей, об'единивший всех «поддерживающих платформу сов. власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве» писателей. Выбора не было, и «желающими» оказались все, включая попутчиков, которые, как таковые, перестали существовать, влившись в общую массу писателей, подчиняющихся распоряжениям нового союза. Коммунистическая фракция его, непосредственно получающая директивы от партии, сохранила и в этом союзе главенствующую роль.

Пятилетка подходила к концу, нищета и усталость народа явно усиливались, и писатели обязаны были проявлять максимальное напряжение для того, чтобы поддерживать пафос строительства, а между тем тематика и темпы препятствовали развитию писательского мастерства, произведения «ударников» становились трафаретными, назойливыми, отнюдь не достигавшими своей цели. Эта литература выродилась в «очеркизм», стала хиреть, т. к. отбора по художественным признакам не происходило, нужна была только ударность темы. В большой литературе тоже стала заметна утрата писательской индивидуальности и оскудение художественного творчества; значительные произведения наиболее талантливых писателей общей картины не меняли.

Таково было положение литературы и писателей до с'езда сов. писателей в августе 1934 года, с которого начинается третий период, период всеобщей мобилизации писательских и художественных сил страны. Момент для такой мобилизации был выбран не случайно, и не случайно он совпал с глубокой депрессией охватившей все слои населения, очутившегося снова, после стольких лет страшного напряжения, перед «хромающей» тяжелой индустрией, легкой — «не на высоте» и ширпотребом ниже всякой критики. Даже комсомольцев и сознательных энтузиастов стройки перестали утешать и подбадривать ничтожные « достижения », доставшиеся такой дорогой ценой. Встревоженная власть поняла, что пойти на уступки в экономической политике, на увеличение ширпотреба и т. п., уже недостаточно, что ей надо найти и на будущее время средство, способное зарядить массы энтузиазмом для строительства новой пятилетки: таким средством и явилась литература. Чтобы сделать массы податливым материалом, нужны «инженеры душ», могущие обработать этот материал в духе социалистического мировоззрения. Этими инженерами оказались писатели, от которых теперь потребовали твердо усвоить все инструкции партии по переработке душ. На основе данного «гениальным Сталиным» лозунга «социалистического реализма» с'езд должен был пересмотреть все главные виды литературного творчества, наметить его дальнейшие основные маршруты, приемы и формы. По словам Радэка, «Ленинский Цик, не только сумел наметить пути развития социализма, но он сумел, под руководством тов. Сталина, наметить и столбовую дорогу развития советской литературы». Толкованием этого лозунга продолжают заниматься до сих пор; остановимся на бухаринском определении: «социалистический реализм — это задание, ставящее в центре внимания изображение строительства социализма и борьбы пролетариата», следовательно, с точки зрения марксиста, победа пролетариата есть главный признак творчества социалистического реализма, его «общественный смысл».

Нам невозможно останавливаться в этой статье на стилевых и методологических особенностях соц. реализма, отметим только, что философской предпосылкой его является диалектический материализм. Разница между старым и новым реализмом та, что старый выражал-де собой узкий созерцательный об'ективизм. Узкий, потому что он ограничивался «констатацией сущего», тогда как соц. реализм не только констатирует сущее, но и «подхватывая нить в настоящем, ведет ее в будущее и ведет активно». Оказывается, что этот метод не чужд романтики, но революционной, ибо «старая романтика была связана с идеалистическими парениями в метафизическое измерение», революционная же связана с героикой строительства и «ориентирована на землю во всех ее смыслах».

Писателям рекомендовалось не бояться обвинений в тенденциозности, т. к. в эпоху классовой борьбы аполитичной литературы не существует, и «аспект, отвечающий точно эпохе становления коммунизма, есть аспект борьбы классовой».

Писатели старались усвоить преподанное, причем им была дана возможность развить жесточайшую самокритику, поговорить откровенно об оскудении художественного творчества, о стандартности литературных произведений, о необходимо-

сти интеллектуального роста писателя, наконец, о форме и технике литературного дела.

Получилась иллюзия свободы, но канва и контуры узора были даны партией, спорить приходилось только о качестве и прочности ниток. Компартия желала направить всю литературу по нужному ей идейному руслу и таким образом заставить огромную интеллектуальную силу работать на себя.

Писатели до сих пор продолжают обсуждать темы, поднятые на их с'езде; причины плохого качества и вялости литературы находят в отставании критики, не могущей помогать «четкими политическими оценками идейному перевооружению советских писателей», и в ее низком обще - культурном уровне. Заседания пленума союза сов. писателей (с 2 по 7 марта) были посвящены литературной критике. Целый ряд ораторов: Горький, Беспалов, Шагинян и др., указывая на ошибки критики, намечали ее дальнейший путь.

В чем состоит несовершенство этого важного орудия партии в проведении ее литературной политики? Оказывается в том, что критика сама еще «идейно не перевооружилась», т. к. до сих пор в основе многих критических статей лежат ошибочные рапповские теории. При этом указывалось, что отставание критики явление не случайное, что в основе его лежат причины суб'ективного характера, многие критики до сих пор увлекаются «групповщиной» и «протаскивают» в литературу «буржуазные теорийки», вроде пагубной теории «живой личности», подменяющей реальную борьбу классов изображением «диалектики души». Литераторы же, вместо вскрывания «буржуазных гнойников», сами впадают в грех делая ставку на «самотек» или «здоровую эмпирию» и низводят этим критику до уровня стихийного развития литературы.

Такое состояние критики признано опасным, особенно в момент, когда на очереди стоит перевоспитание мировоззрения писателей, перешедших на позиции пролетариата, в момент, когда критика должна быть особенно бдительной, чтобы не проглядеть в творчестве проявления буржуазной идеологии. Беспалов обвинял критику в «дегустаторском» и «комментаторском» методе анализа художественных произведений и в формализме; из его речи явствовало, что большевистские критики должны уметь сочетать эстетическое с политическим.

Горький, делая по существу правильные упреки в малом знакомстве критиков с западной литературой, в упадке культуры русского языка и неумении овладеть наследством прошлого, тут же давал пояснения, что для языка нужно расширить «основные категории марксистско - ленинской эстетики», а для правильного усвоения прошлой культуры нужен критический классовый подход, нужна своя история литературы, построенная не на «об'ективистской» оценке прошлого, а на принципе партийности.

Итак мы видим, что в литературе и в литературной критике принцип классовой борьбы упорно ставится на первое место и, очевидно, не без основания, т. к. классовый враг «пытается оказывать сопротивление победоносному социализму, выступая нередко в замаскированном виде».

Действительно, следя за советской литературой, нельзя не заметить этой «замаскированной» борьбы, нельзя не почувствовать трагедии советских литераторов, принужденных подходить к жизни человека с заведомо ложными предпосылками социалистического реализма. Поистине, нужна была вся ограниченность партийной схоластики, чтобы превратить относительную истину социалистического реализма в абсолютный догмат, обессиливающий умственную пытливость и сковывающий развитие индивидуальных способностей.

Трагедия советских литераторов заключается в отсутствии свободы, одухотворяющей внутреннее содержание человеческой личности и являющейся необходимым условием художественного творчества. Но это — трагедия сознательных «инженеров душ»; те, кто не ведают, что творят, рады были получить указания учиться даже и в писательской технике «простоте и силе языка у Сталина». Трудно предугадать, как советские писатели найдут те пути, по которым можно будет итти, руководясь совестью и необходимой об'ективностью художника; еще труднее представить, как уложится литература в мертвую схему политических построений партии.

Елена Унбегаун.

Д. МЕЙСНЕР

Смена

Прежде всего о ком речь? Будем говорить, в этот раз, не о среднем поколении, не о прошедших войну (великую или хотя бы гражданскую), а о тех, кому выпало на долю расти или за пределами родины (эмигрантская смена), или при большевистской власти, без сознательных воспоминаний и впечатлений о России дореволюционной (советская молодежь). Итак речь идет о подлинной, на этот раз, молодежи.

Так называемое третье поколение эмиграции, в своей интересующейся «политикой» и активно тяготеющей к родине части (увы, это далеко не большинство) склоняется к одному из двух полюсов.

Один из них назовем **националистическим;** это — те, кого в своей блестящей, хотя и спорной статье в последней книжке «Современных Записок», проф. Федотов определил, как поклоняющихся новому идо-

лу — крайнему, прямолинейному национализму, в сочетании с резко непримиримым отношением к русской революции. Наиболее последовательно по этому пути идет молодежь, об'единенная в так называемый «Национальный союз нового поколения». Молодые люди этого нового течения достаточно самонадеянны; политическое летоисчисление эмиграции они начинают со дня вступления в жизнь своей организации, все, бывшее до сего знаменательного события, представляется им не заслуживающим особого внимания. Эта об'ективно неоправданная, самонадеянность, сама по себе, не была бы так плоха и во всяком случае была бы совершенно естественна для молодых голов, вкусивших первый трепет политических выступлений, будь в позиции Н. С. Н. П. подлинная новизна, живое слово и яркое действие. На самом деле этого вовсе нет. Молодые эмигрантские националисты лишь повторяют азбуку активистско-непредрешенческой грамматики, в ее самом упрощенном варианте. Дело сводится к тому, что вместо политических программ и «партийности», вместо «размагничивающего» «анализа» русского революционного процесса, вместо идеологической подготовительной работы для будущей России, — предлагается немедленное действие.

Н. С. Н. П. презирает «политиков» и противопоставляет им своих офицеров и солдат «русской национальной революции». Высшее достижение — пойти сейчас туда и «взрывать»; но это задача для избранных, остальным остается организация «тыла» революционной борьбы, поднятие духа, закалка воли и решимости у очередных жертв и преклонение перед своими героями.

Упрощенный активизм в свое время безраздельно доминировал в среде Обще-Воинского Союза, Национального Комитета, Р. Ц. О. и других, называющих себя почему то «национальными», организациях. Сейчас эти люди, с одной стороны, постарели, с другой, — многому, очень многому научились. Стали допрашивать, часто «с пристрастием» своих водителей, почему же всетаки из их (водителей) активизма ничего не вышло, почему воз на том же месте; стали пересматривать свое отношение к родине и к происходящей в ней революции.

И вот на смену этим «уставшим», а вернее, прозревшим или прозревающим, пришла сравнительно юная молодежь и подперла, как могла, своими плечами (и головами) ветхое, осужденное на слом здание.

Жаль, если под его развалинами останутся новейшие участники омоложенного активизма. Жаль, потому что среди «национальной молодежи» есть чистые сердца, действительно рвущиеся к родине.

Как же предполагает осуществить свое основное задание Н. С. Н. П?

Как скорее воспитать революционные неустрашимые кадры?

Прежде всего устраняется излишнее обременение головы ненужными, ведущими к сомнению сведениями: вместо политического образования — политграмота. Затем признается необходимость психически и физически тренировать «бойцов» отсюда разного рода гимнастические кружки и военные курсы, выпускающие заграницей в 1935 году в русскую армию новых унтер. офицеров (вариант весеннего похода окончательно еще не похоронен). Наконец, самое главное: железная дисциплина и неукоснительно проводимое авторитарное начало в Союзе. Все подчинены старшему вождю организации в каждой стране свои местные «дуче», все подтянуто, прилажено, приглажено, в газете «За Россию» из номера в номер смелые, если не сказать иначе, призывы.., а... воз по-прежнему на месте...

Взвинченная энергия истощается, напряженные нервы устают, воображаемые полки не строятся, террор внутрироссийский идет по иным, чуждым, каналам...

Не нужно быть пророком, чтобы сказать, что «национальной молодежи» еще предстоит пережить крушение надежд и искать более прочной опоры для патриотизма и антибольшевизма, чем запоздалый пересказ призывов «Общего Дела», раздававшихся десять - тринадцать лет тому назад. Этот процесс обращения к книге, к изучению русского прошлого, советской действительности и хода событий последних лет, как будто, уже начался. Учеба, не с чужих агитационных слов, а в ином более углубленном порядке, может действительно выбрать из рядов «национальной» молодежи крупицы той смены, которая так нужна родине.

Для этого, однако, придется отказаться от ура-активизма и тех чисто эмигрантских шор, которыми снабжает зарубежную молодежь часть эмигрантских средних школ.

Обратимся теперь к антиподам «национальной» молодежи — к так называемым «пореволюционерам», берем это слово, по понятным соображениям в кавычки.

И эти имеют, конечно, своих идеологических отцов: это евразийцы, утвержденцы (Ширинский-Шихматов), отчасти Устрялов, национал - большевики и т. д.

Если для воспитанников белградских закрытых корпусов и гимназий — революция — бунт, спровоцированный зловредными либералами и социалистами — и только, — для «пореволюционеров» дело обстоит совсем иначе. Они прямо заявляют: нельзя отрекаться от России, какова бы она ни была». Нужно, говорят они, жить не своими эмоциями по отношению к уходящей России, а приобщиться к новой, «становящейся» России; в этом основная задача, от способности осуществить которую будет зависеть политическая судьба эмиграции и ее молодой части, в особенности.

Само по себе это положение справедливо, как теперь принято говорить, на «все 100%» и никто другой, как РДО и вся так называемая «новая тактика» его председателя, этот основной тезис выдвинули; мы помним, с какой страстной нетерпимостью было воспринято это положение и вытекающие из него политические выводы, на заре эмиграции.

Какое, однако, употребление делют молодые пореволюционеры из этой верной установки?

Идейно они непримиримы к коммунизму; возрождение родины они мыслят на началах, прямо противоположных марксистским (примат духовного начала, православие, мессианский **национализм, а не интернационализм).** Вместе с тем принятая ими основная установка обязывает; они понимают, что револьвер, особенно эмигрантский, не решает дело. С другой стороны, они **спешат;** как и молодым националистам, им не терпится, им нужен хотя бы усладительный самообман. И вот из ряда верных посылок, путем доведения принятых точек зрения до незаконной крайности, делается глубоко ложный и опасный вывод.

Суть в том, что **желаемое** принимается за **сущее.**

Пример: для «пореволюционеров» процесс революции не стоит на месте, он эволюционирует (вполне справедливо **Д. М.**) в сторону изживания коммунизма, революция «национализируется» (тоже справедливо) и дальше оптимистический скачек: необычайно затрудненный, замедленный процесс изображается идущим полным ходом и оказывающимся не у **начала,** а у **конца** своего пути. «Национализация» революции в полном развертывании, и едва ли не сам Сталин призван к осуществлению этой миссии.

Раз так, — «пореволюционеры» тоже отправляются в **свой,** правда только идеологический, поход навстречу национализированной советской молодежи и, конечно, сбросив с себя «контр-революционные» все равно левые или правые эмигрантские одежды. Естественно приходится из принятой позиции делать определенные политические выводы и «принимать» революцию в ее теперешних очертаниях, делая веселую мину при скверной игре.

Эта «авангардная» позиция Е. Д. Кусковой, публицисту, которого никак нельзя заподозрить в эмигрантской исключительности, приводит на ум слова поэта:

«Дерзновенны наши речи
На смерть осуждены
Слишком ранние предтечи
Слишком медленной весны».

Впрочем этими словами говорили о себе сами утвержденцы.

Практически получается самоотверженное таскание из огня чужих каштанов, которые, увы, оказываются все в том же большевистском кармане. Пореволюционеры преждевременно теряют непримиримость к сегодняшней московской власти и этим рубят сук, на котором вместе со всей эмиграцией, сидят. **Туда** их все равно не пустят, ибо там нет того, что им представляется, а **отсюда** они себя слишком легкомысленно отрывают.

На примере евразийцев мы уже видели, что получается из непременного желания «не отстать» от советской действительности, от могучей поступи революции (вообще курьезно, что для по-революционеров — высшее божество — революция). Мы помним увлечение лидера евразийцев первой пятилеткой, предсказывавшего чуть ли не большие достижения, чем сами большевики. Им была развернута обновленная теория перемежающихся циклов под'емов и падений экономической жизни России, причем I-ая пятилетка оказывалась периодом законного под'ема, лишь (в общем удачно) организованного большевистской властью. Та же тенденция, то же стремление во что бы то ни стало не отстать в революционности от большевиков заставила евразийцев отнестись положительно и к колхозам.

И вот теперь наступили дни явного отбоя, евразийцы прямо говорят о полном разорении деревни и общей дезорганизации всей экономии страны. И «циклы» соответственно переименованы: уже не «под'емы» и «падения», а «напряжение» и «передышки» (недавний доклад П. Н. Савицкого в Праге, в Свободном Университете).

Большевики последние годы, говоря символически, быстро переключаются с трактора на доброго коня, выдвинув его верного барда Буденного, а «пореволюционеры», уверовав в божественный трактор и, примостившись на его облучке, оказались, без нужды, в очень смешном положении.

И еще, о главном!

Уже пришлось говорить об удивительном несогласовании термина **пореволюционность** с преклонением перед **революцией,** при котором парижские «пореволюционеры» пользуются терминологией (революция с большой буквы и т. п.) красных апологетов в первые месяцы великой, октябрьской...

В теперешних советских правителях, особенсти более молодых, гораздо больше подлинной пореволюционности, чем во всем парижском клубе этого наименования.

Реальная пореволюционность будет, думаем мы, характеризоваться чертами, обратными тем, которыми награждают ее сегодняшние «пореволюционеры», Это будет не восхваление божественной (все равно в данном случае коммунистической или «национальной») революции, а крайнее от нее отталкивание, что, конечно, не противоречит незыблемости ряда ее завоеваний, утомление от ее планетарных заданий и страданий. Это будет стремление к партикуляризму и «мещанскому» благополучию, ко всяческой устойчивости и умеренности, **кроме жажды личного** успеха и сытости, эта жажда будет много лет ненасытной. Это будет время равнодушия ко всякому мессианству — социальному и национальному. И,

наконец, основное и самое главное, это будет временем стихийного грубого прямолинейного и **неукротимого** тяготения к **частной собственности.**

Вот черты подлинной пореволюционности. Как непохожи они на романтику неудачников революции, желающих играть с отыгранной краты.

Конечно, эмигрантская «смена» не исчерпывается перечисленными выше группами, в этот раз мы остановились только на них потому, что именно они заявляют себя с особой настойчивостью.

Что можем сказать теперь о сюжете неизмеримо более существенном, о **смене внутрироссийской?**

Если мы можем свободно знакомиться с идейными движениями, происходящими в эмигрантской среде, не только потому, что среди нее живем, но, прежде всего, потому что она, правда не всюду, находится в обстановке свободного формирования своего общественного мнения, то совсем иное положение у нас относительно российской молодежи. Только собирая по крупицам сведения из советской литературы и прессы, только прислушиваясь к доходящим из России отдельным голосам, приходится строить общие выводы и заключения. Тут нет места для детальной характеристики тамошней смены, тамошнего «третьего поколения», тем более для доказательств в пользу приводимых положений. Приходится ограничиваться перечислением основных тезисов:

1. Внутрироссийская молодежь, выросшая в обстановке господства большевизма, в своей огромной части чужда или равнодушна к марксизму - ленинизму - сталинизму, который воспринимается как обязательный «защитный» догмат.

2. В противоположность «второму «поколению», участвовавшему со старшими идеологами большевизма в борьбе за углубление революции и овладение страной, сов. молодежь **никогда** не знала подлинного революционного пафоса или энтузиазма гражданской войны. Пафос, приписываемый молодежи в годы усиленного социалистического строительства, преувеличен в эмиграции. Поскольку он имелся на лицо, — он питался не революционной верой в социализм, хотя бы и в одной стране, а надеждой на улучшение жизни в стране, на общий экономический под'ем («догоним и перегоним»), и, наконец, личными благами, связанными с «ударничеством», «выдвиженством» и т. д.

3. Вышедшая, в противоположность эмигрантской молодежи, из социальных низов советская молодежь элементарна в чувствах и мыслях, недоверчива, практична, до кончиков пальцев. Еще в гораздо большей степени, чем эмигрантская молодежь, советская молодежь закалена в жестокой борьбе за существование.

4. Начавшая с оффициального презрения к «буржуазной культуре» она с каждым годом все более к ней обращается и **приобщается.** Сильными своими зубами она не только «грызет гранит науки», в целях приобретения технических сведений и навыков, но и начинает думать о продолжении культурной традиции. Пусть молодая эмиграция к этому явлению присмотрится.

5. Она не осознала еще реально и конкретно своей национально - государственной ответственности, но инстинктивно ее она очень чувствует; свою страну она любит и без боя никому ее не уступит.

6. Она много холодала и голодала и больше всего ценит тепло и сытость. В ней много издерганности и утомления, но еще больше природных сил, веками накопленных в толще русского народа.

Вопрос последний. В чем задача эмигрантской политической мысли в отношении подсоветской российской молодежи?

В том, чтобы, по мере наших сил, пытаться оплодотворить ее девственную душу сознательным патриотизмом, в том, чтобы навыки, воспитанные деспотией большевиков, смягчить и, если возможно, заменить идеей права и уважения к человеческой личности. В том, наконец, чтобы этим людям, кровно, нутряным, интимным образом, связанным с низовым народом, бросить оформленный лозунг народовластия, т. е. подлинной демократии, стихийно в них живущий, близкий и не могущий быть непонятым их восстающей «плебейской гордости».

Этими людьми, в первую очередь, и будет строиться пореволюционная Россия. Нужно только связать нити русской культуры, порванные революцией и вселять в молодой русский люд, наряду с ненавистью к устаревшей революционной власти, веру в его собственные силы.

Д. Мейснер.

А. АЛЕКСАНДРОВ

Младоросский блефф

Сейчас больше всех шумят младороссы. Они, что называется, вошли «в моду». Доклады «главы» собирают громадную аудиторию любопытных. Младороссы горделиво кричат о своих политических успехах и претендуют на общее водительство всей эмиграции. Внешний рост младороссов как будто не подлежит сомнению, но ценность его сводится на нет чрезвычайно низким культурным и политическим уровнем последователей этого движения. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на

авторитетное заявление отдела подготовки кадров Союза Младороссов. «Как только Центр начинает требовать серьезной работы и отчетности, возникает болезненное состояние, почти кризис. Полигруку часто приходится подолгу останавливаться на элементарных вещах, получаются то скачки с предмета на предмет, то топтание на месте. Идеи, затронутые в лекциях, проникают в сознание отдельных младороссов. В то же время другие младороссы отвыкли или просто не умеют глубоко думать» («Млад. Иск.» от 1 фев. 1935 г., подчеркн. мной А.).

Эта официальная характеристика той общей массы, из которой должны формироваться политические кадры, показывает, что ошибочно преувеличивать успехи этого течения.

Какова же всетаки та духовная пища, которая до поры до времени — до тех пор, пока адепты этого движения не научатся «глубоко думать» — удовлетворяет невзыскательную часть эмигрантской молодежи?

Мне уже приходилось в докладе, сделанном в РДО, отмечать полную неоригинальность и беспомощность историко - философских взглядов младороссов. Все их творчество в этой области заключается в пересказе или в текстуальном воспроизведении отдельных цитат из писаний Льва Тихомирова, Достоевского, К. Леонтьева и Гоголя («Переписка с друзьями»).

Их родословная ведет к реакционному крылу славянофильства. Главный тезис младоросской доктрины заключается в том, что наследственная природная монархия воплощает неизменный «гений нации» в противоположность грешной, заблуждающейся «воле народа», которую поэтому рекомендуется заковать в монархическую колодку, вместо нынешней коммунистической.

Но мы являемся современниками фашизма в Италии и гитлеризма в Германии. Эти движения не могли не наложить своего отпечатка на дух и характер младороссов. Идея «вождизма», признающая непререкаемый авторитет вождя - главы, стоящего на вершине иерархически - построенного ордена, соблазнила честолюбивого, с непомерными претензиями нынешнего возглавителя младороссов. Он, повидимому, возмнил себя русским Муссолини или Гитлером.

Младороссы выбрасывают лозунг... «догнать и перегнать Германию». Но причем в таком случае легитимный принцип? Идеологически младороссы делают ударение на природности монарха и в то же время слепо копируют итальянский и гитлеровский образцы. Как известно, Гитлер резко отрицательно относится к бывшей германской династии. В Италии, — в иных исторических условиях, при существовании монархии, фашизм уживается с короной, сведя ее роль к чисто декоративному назначению. Другими словами, легитимный принцип, несомненно по духу, по смыслу противоречит фашистской доктрине, черпающей свой пафос отнюдь не в верноподданнических эмоциях.

Но наши неисправимые монархисты — последыши своих отцов — во что бы то ни стало хотят протащить любезный их сердцу институт самодержавия и не стесняются, в целях маскировки своих архиреставрационных задач («назад к Александру III»), напускать побольше ультра-модернистского тумана.

Если мы наблюдаем «неувязку» в самой, с позволения сказать, идеологии младороссов, то прямо пропасть существует между доктриной и применением ее к конкретным политическим условиям — тактикой.

Главная тема теперешней проповеди младороссов — вера в русский народ, в его жизнеспособность, творческие неиссякаемые силы.

Отсюда оптимистический взгляд на развитие и исход русского революционного процесса. «Бодрость!» — так называется еженедельный парижский листок младороссов.

Но признание того, что в России под большевиками жизнь не остановилась, не представляет их выдумки. Авторство формулы — **жизнь вопреки большевикам** — принадлежит во всяком случае не Казем-беку. Она была провозглашена П. Н. Милюковым («Новая тактика») еще в декабре 1920 года, когда младороссы и в проекте не существовали. Но развязность последних позволяет им не только приписывать себе честь открытия этой истины, но и брать ее в безраздельно монопольное обладание. Этот мотив перепевается бесконечное число раз — вот, якобы грань, которая разделяет младо - эмигрантов от обанкротившихся старо - эмигрантов. Это утверждение верно лишь постольку, поскольку здесь имеются в виду монархическое и непредрешенческое крылья эмиграции, но оно просто смешно в отношении всего левого сектора. Тут уместно призвать молодых людей к скромности. Призыв, между прочим, бесполезный, т. к. из статьи Казем-Бека о роли рекламы в политике, мы знаем, что все эти передержки делаются сознательно, ибо демагогия — главная движущая пружина всего младоросского движения.

Дело, однако, не в этом. Признаем положительным явлением, что мысль П. Н. Милюкова и его единомышленников о «комсомольском патриотизме», напр., уже не вызывает диких криков об «измене», «предательстве», а становится достоянием широких эмигрантских кругов.

Но вот из правильной посылки делаются скороспелые, непродуманные выводы. Наблюдая русскую жизнь, младороссы приходят к решительному заключению — сталинизм сдает свои командные высоты, от коммунизма не осталось и следа, происходит процесс национализации и фашизации России. Признаки этого перерождения — бурный рост патриотизма, расцвет культа сильной героической личности, стремление к зажиточности, ликвидация уравниловки и т. д. и т. д.

Нам меньше всего приходится замалчивать процессы эволюции русской жизни. Демократическая периодическая печать постоянно уделяет этой теме самое пристальное внимание. Достаточно сослаться на яркие фельетоны Е. Д. Кусковой, тонко подмечающей малейшие изменения в России. Мы, однако, не станем придавать такого преувеличенного значения частичным вынужденным уступкам Сталина.

Чувство меры чуждо младоросским публицистам, «рубить — так сплеча». В «Бодрости» (6 января) мы читаем напр., такие строки: «по мере того, как пробуждались творческие силы русской нации, линия Сталина все больше отходила от теории, политика его более теряла сектантский характер и приобретала характер государственнический и великодержавный, несмотря на грубость приемов и неразборчивость в средствах». «Выстрел Николаева не запугал Сталина. Наоборот, он окончательно бросил его в руки «правых». Сталин стремится опереться на основные силы России: на армию, на крестьянство на техников, на «знатных людей».

Приписать такую степень сознательности и искренности очередным зигзагам оппортунистической политики Сталина мы отказываемся. Оставляю в стороне подробный анализ русской действительности, вопрос до чрезвычайности сложный, требующий иного, «не-младоросского», с заранее подготовленной схемой, подхода.

Но перейду к главному — какие у младороссов основания расценивать эти уступки, как свою победу, приближающую к осуществлению их собственного идеала — легитимной монархии? Заголовки одного из номеров «Бодрости» гласят: «жизнь побеждает, доктринеры проваливаются, младороссы наступают». Почему провал одних доктринеров — коммунистов — означает «наступление» других доктринеров — легитимистов?

Эр-дэки тоже говорят — «жизнь побеждает», они также полны веры в родной народ. Но эта вера и эта ставка на жизнь у них органически и последовательно вытекают из общего политического мировоззрения: русский народ заслуживает права на распоряжение своей судьбой, на самодеятельность, если и под страшным гнетом большевизма он сохранил свою жизнеспособность и обнаружил поразительную сопротивляемость (в разных формах) и живучесть. Отсюда — наше требование раскрепощения России, в рамках свободного демократического строя.

Совсем иная позиция должна быть, рассуждая логически, у монархистов - младороссов. Монархическая доктрина и практика (вспомним историю последних царствований) построены на принципиальном **недоверии** к народу: нужно держать народ в искусственно «подмороженном» состоянии. Недоверие к народу лежит и в основе авторитарных диктаторских режимов: власть **над** народом, а не **через** народ.

И вот, считая идеальной формой для России легитимную монархию плюс диктатуру «главы», младороссы, одновременно, заявляют о своей вере в народ и т. д., употребляя прямо «народническую» словесность. Нет, это вещи несовместимые. Из оптимистического, бодрого взгляда на русский народ и возможности, в нем заложенные, никак нельзя сделать вывода, что его спасение в замене коммунистического диктатора Сталина младоросским «главой» Казем-Беком с императором Кириллом в придачу.

Не ищите здесь логики и внутренней связи. Пред нами одно из многих неразрешимых противоречий «многосмысленного» младоросского движения.

Отметив эту коренную неустранимую «неувязку» между основным тактическим лозунгом и доктринальной сущностью монархизма, остановлюсь на одном частном, однако же, очень существенном моменте — на вопросе о роли и ценности человеческой личности.

Младороссы с восторгом пишут о победе человека над «марксизмом». «В России развился настоящий «культ человеческой личности». Живым людям ставят памятники». Верно, в результате тяжелого большевистского опыта, приходится возвращаться к преждевременно развенчанной в пользу коллектива человеческой личности. Да, в речи 26 декабря 1934 г. на приеме представителей металлургии Сталин произнес «исторические» слова, что «техника без людей мертва, надо беречь каждого способного и понимающего работника» и т. д.

Но каким образом выдвижение личностей, «культ героев», процесс человеческой дифференциации знаменуют приближение жизни к младоросскому идеалу? Напомним читателю, что в основном идеологическом сборнике «К Молодой России» самые едкие и уничижительные выражения направлялись как раз по адресу человеческой личности, и той идеологии, которая во главу угла ставит непререкаемую ценность человеческой личности — идеологии политического либерализма. Приведу одну характерную цитату из старого издания младороссов «Оповещение»: **«младороссы за коллективизм,** т. к. в индивидуализме видят один из корней животного эгоизма и шкурничества, свойственных современному человечеству». Комментарии, как говорится, излишни.

В своем докладе в 1933 году Казем-Бек, характеризуя тактику младороссов, заявил, что «младороссы исповедуют совершенно сознательно тактический оппортунизм». И далее, «наша идеология указывает нам цели, которыя мы должны достичь ценой любых жертв и эти цели остаются неизменными при любых обстоятельствах». Тут правильно противопоставление неизменной цели гибкому, меняющемуся средству, но... это верно до известного предела: есть средства, радикально искажающие самое цель, заменяющие одну цель другой, ей противоположной. Существует какая то граница, когда тактика переходит в программу и тактический в известных пределах допустимый оппортунизм вырождается в программную беспринципность и чистейший авантюризм.

Такая неустойчивость тактической позиции обнаружилась в вопросе громадной важности — в отношении младороссов к возможной войне России с ее соседями на Западе и Востоке.

Посмотрим, как определяет «глава» свою точку зрения на эту проблему.

В январе 1934 года им выдвинута звучная формула: «освободиться внутри и защититься во вне». В своем докладе Казем-Бек так раскрывал ее содержание: «если иностранное нашествие начнется до свержения власти, зарубежные кадры должны быть брошены в Россию для определенных прямых действий, имеющих целью захват власти в период осложнений, вызванных войной. **По достижении** этой основной цели — все внимание обороне и ликвидации войны. Место русских в этом случае: ни на стороне красных, ни на стороне иностранцев».

В печати было указано на недоговоренность и туманность словесной ткани Казем-Бека. Очевидно, если заняться тем, что рекомендует оратор, то задача обороны оказалась бы не выполненной.

С другой стороны, отвергая участие русских на стороне иностранцев, Казем-Бек в докладе намекал на возможность какого то соглашения с японцами в Манчжурии. Это заявление сводило на нет всю анти-интервенционистскую политику «главы».

К этому нужно прибавить какие то неясные соглашения в Берлине с Аваловым, Вонсяцким и К-о.

И вот предо мной «Искра» от 20 сентября 1934 года. Оказывается, бедный Казем-Бек не понят. Противоречия между двумя частями его формулы нѣт: Их нужно понимать **в хронологической последовательности.**

«Глава» характеризует позицию младороссов **во время войны** в таких выражениях: «Если мир нарушен и возникла война, на первый план выступает другой момент — оборона внешняя. **Тогда вопрос борьбы с властью отодвигается во времени до окончания войны.** Практически в этом случае устанавливается политическое перемирие. В условиях войны— борьба за победу и **после победы** — за национальную революцию». Больше того: живое воображение Казем-Бека готово рисовать картину «переговоров, которые комвласть могла бы вести непосредственно с младороссами в случае внешней войны. Но тут оставалось бы в силе условие, составляющее младоросскую программу - минимум» (то есть устранение комвласти).

Сличая две приведенные выше выдержки, нельзя не констатировать полной перемены фронта на протяжении 8 месяцев.

Такое существенное изменение точки зрения в очень важном вопросе представляет яркий пример тактического оппортунизма, граничащего с общей беспринципностью и несерьезностью.

Не забудем, что по каким то невыясненным причинам в этот промежуток времени расстроился союз Казем-бека с Вонсяцким и К-о, от которого ожидались «великие и богатые милости».

Когда эти надежды не оправдались, у младороссов сразу открылись глаза на подозрительную и малопочтенную сущность г. Вонсяцкого, и против него были направлены ядовитые «стрелы в цель» (отдел печати в «Бодрости»). К сожалению, это «просветление» вышло небезкорыстным, а потому неубедительным.

В одном из докладов Казем-Бек выставляет в основе правильное — опять таки заимствованное им у левой эмиграции — требование: **исходить из советской действительности.**

Конечно, реальный политик должен исходить из конкретной обстановки, на ней базироваться. Но здесь подстерегают политика две опасности: первая — плестись в хвосте событий, пассивно за ними следовать, забывая о своих собственных принципиальных установках и задачах. Это то, что получило название фактопоклонства. К этой категории принадлежит, например, преклонение перед пятилеткой, ее темпами, энтузиазмом строительства и т. д.

И есть другая опасность — доктринерского прожектерства, политической маниловщины, игнорирования реальных условий, при составлении своей программы и тактики. «Лозунг должен отражать реальность», правильно заявляют младороссы, и одновременно выдвигают совершенно фантастическое положение: «царь и советы».

Перечитывая внимательно младоросскую литературу, я нигде не нашел никаких доказательств, что народ, свергнувший самодержавие, пройдя сложный революционный путь, захочет завершить его возвращением к исходной точке — к самодержавию наследственного царя. Это не доказывается, потому что недоказуемо.

Наоборот, младороссы скорее вынуждены признать, что почвы для монархии в России нет.

«Младороссы считают совершенно необходимым завершить разработку нового русского монархического учения, т. к. без предварительной монархической пропаганды в России трудно рассчитывать, чтобы любой русский Бонапарт мог осознать в себе Монка», читаем мы в «Искре».

Поэтому, в ожидании лучших времен, младороссы удовлетворяются программой - минимум: стать второй советской партией, упразднив компартию, и провести следующие реформы: «провозглашение религиозной свободы (только религиозной! **А. А.**), отказ от мировой революции, прекращение классовой борьбы и решительный переход к политике социального сотрудничества, постепенный переход от государственно - капиталистического хозяйства к корпоративно - кооперативному».

От выполнения программы - минимум до осуществления программы - максимум расстояние и психологически и политически громадно.

Идти прямо с монархическими лозунгами, по признанию самих младороссов, безнадежное предприятие.

Не отказываясь в своей программе от доктринерства, они становятся на путь фактопоклонства в тактике: некритически оценивают советскую действительность, скорбят по поводу убийства Кирова, молчат в связи с массовыми казнями и одновременно преклоняются в верноподданническом экстазе перед императором Кириллом.

Могий вместити эту чудовищную мешанину, да вместит! Но искать логики, гармонии и соответствия между ближайшими задачами и конечными целями, между программой и тактикой — бесполезно.

Однако, «только при наличии их полной согласованности может возникнуть сильное и здоровое политическое движение», правильно утверждает «памятка младоросса».

Вместо согласованности мы видели лишь нагромождение противоречий, вместо ясности — недоговоренность и двусмысленность. Прав П. Н. Милюков, словами которого закончу свою статью: «младоросское движение, как идейное течение просто не существует».

Александр Александров.

И. ДЕМИДОВ.

Живая душа

(Памяти А. С. Милюковой)

Поколениям, выросшим, сложившимся и вступившим в ряды русских общественных работников в XX-ом веке, трудно и даже невозможно в полную меру оценить духовные силы тех русских выдающихся деятелей, чья первая половина сознательной жизни совпала с тремя последними десятилетиями прошлого столетия — невозможно потому, что слишком различны эти две соприкасающиеся эпохи, точно между ними лег целый ряд десятилетий: что требовало в те времена почти геройских сил, за что шла борьба в буквальном смысле на жизнь и смерть, с начала XX-го века стало общепризнанным положением, повседневным явлением обыденной жизни, не требовавшим почти никаких усилий. И при оценке этого прошлого и его борцов надо всегда помнить, что это изменение в лике России, это появление новой России — есть результат славной победы русских «живых душ» того времени, самоотверженно и смело отдавших себя на служение этой новой России, несмотря на всю, казавшуюся тогда, безнадежность намеченной цели. По истине, их вера сдвинула вековую гору темноты и бесправия.

Я не историк и не социолог, но едва ли ошибусь, если скажу, что в этой борьбе за право человека вообще и женщины в частности ни в одной стране и ни в одну эпоху жизненное влияние и историческое значение женщины не были так плодотворны, как в России.

Последняя четверть XIX-го века? Двадцать пять лет темного безвременья, мертвого правительственного штиля и торжествующей реакции, сменивших и задушивших сдвиг и воодушевление «эпохи великих реформ» и лютой ненавистью ненавидевших идеалы и вдохновителей этой эпохи, включая сюда и самого императора Александра II-го. Теперь трудно поверить, что когда — уже в начале XX-го века — бывший московский городской голова князь В. М. Голицын, в своей приветственной речи Николаю II-му на место традиционных слов о «незабвенной памяти вашего отца - миротворца» вставил выражение о «светлой памяти вашего великого деда, царя-освободителя», то ответом на эту смелость и «вольность» были «высочайшее неудовольствие» и злобное шипение влиятельных реакционных кругов: как, на сцену опять выплывает этот «освободитель» и «конституционалист»?! Это случилось в XX-ом веке! Пусть же современный читатель представит себе атмосферу 70-ых, 80-ых и 90-х годов. Для меня это — период детства, отрочества и юности, для поколения предшествующего, к которому принадлежат А. С. и П. Н. Милюковы, — время юности и зрелого, уже ответственного возраста, время сложившегося миросозерцания, установившихся убеждений, избранного пути и ответственной работы.

И вот, — «чем ночь темнее, тем ярче звезды»... Среди этой ночи ярко горит звезда одной из ряда выдающихся русских женщин — этих «живых душ» среди «общественного кладбища» — образ А. С. Милюковой. Именно там, в столь недавнем, для многих из нас еще живом, но и столь далеком и невероятном прошлом творчески и деятельно выявились духовные силы так неожиданно ушедшей от нас А. С.

Позднее — нам младшим — легко было понять, что с 60-х годов Россия вступила в новую эпоху, что ей нужны новые люди, но увидеть это тогда, когда и сила власти и авторитет общества, за немногими исключениями, были направлены на то, чтобы задушить и искалечить новую Россию, — тогда увидеть это, поверить в это и отдаться этому? Такой вывод был по силам только действительно «живым душам», и вывод этот лег в основу всей жизни А. С. Милюковой.

Позднее, — опять таки более молодым, — ко-

гда право женщины на высшее образование «было завоевано» и стало общепризнанной истиной как в семье, так и в обществе, девушкам легко было «итти на курсы» и получать университетский диплом, но тогда, в эпоху недоброй памяти Толстых и Деляновых, когда быть курсисткой значило быть поднадзорной, когда женские университеты преследовались и «закрывались», — этот шаг требовал от русской девушки большой любви к науке и знанию, сильной воли для борьбы с патриархальной традицией семьи и с заскорузлой психологией общества. Именно через это должна была пройти А. С., и она не отступила, не согнулась, а победила и прошла, причем ей не легко должна была даться ее победа. Троице-Сергиева лавра, духовная академия, отец ее — сначала профессор, а потом и ректор этой академии, — веками установившийся консервативный уклад мысли и быта стояли глухой стеной перед «узренной» новой жизнью новой России. Но «живая душа» не испугалась неизбежного разрыва: с тремя рублями в кармане А. С. ушла из семьи, от покоя и обеспеченности, на трудный и опасный путь пионерки, чтобы самой завоевать себе и свою жизнь и свою культуру.

Так с любовью к России и ее народу и с верой в их новую жизнь, с любовью к науке и знанию и с верой в свои силы А. С. вышла на свой жизненный путь. Трудный, но не самый трудный, шаг был совершен. Настоящее испытание было еще впереди, и сколько начавших победоносно, потом «складывали оружие» и «уходили в свою жизнь». В средней школе, в университете перед юношей или девушкой стоит вопрос о них самих — что с собой и из себя сделать? Дело, конечно, не легкое и ответственное, но все-таки личное; горизонт такой ответственности сравнительно узкий: можно «подавать надежды», но их «не оправдать», от этого жизнь еще не становится «разбитой». Действительная ответственность — и уже не только перед собой, а и перед обществом и перед родиной — наступает с той минуты, когда перед человеком встает другой вопрос, как и где «применить себя», к чему приложить свои силы и все то, что дала школа. Как построить новую жизнь, чтобы она соответствовала созданным идеалам и полученным заветам. И здесь эпоха, атмосфера, обстановка играют громадную роль: они могут и воскресить и убить. В эпоху под'ема все легко, в эпохи упадка все трудно. К этой ответственной минуте своей жизни А. С. подошла во вторую половину 80-ых годов, т. е. в самые темные годы русской реакции второй половины прошлого века. Сколько «живых душ», не выдержав этого страшного испытания, в те годы «умерло» (особенно в провинции); у скольких от отчаяния опустились руки, сколько из них готовы были поставить крест над Россией. Надо сказать, что лично к А. С. судьба была милостива: в те годы около нее был В. О. Ключевский, а затем, приблизительно в это же время, произошла ее встреча с П. Н. Милюковым, определившая весь ее дальнейший жизненный путь. Но, быть может, это последнее событие не облегчило, а утяжелило «общественное испытание» А. С. и потребовало еще больших сил, еще большей устойчивости. Правительственное преследование Павла Николаевича, начавшееся с первых же лет его профессорской и общественной деятельности, никак не могло послужить к укреплению доброго настроения и оптимистической психологии.

С первых же лет своей самостоятельной жизни А. С. вся отдалась общественно - просветительной работе, в частности — женскому вопросу. Никакие препятствия не могли поколебать ни ее веры в конечное торжество поставленных идеалов, ни ее энергии в повседневной, часто мелкой и неблагодарной работе. Ни начавшиеся правительственные преследования ее мужа — П. Н. Милюкова: лишение права читать университетские лекции, ссылка в провинцию, высылка за-границу; ни те же правительственные преследования и закрытия обществ и организаций, где работала молодая женщина; ни упадок общественного настроения от торжествовавшего и все усиливающегося гнета власти, — казалось «рассудку вопреки, наперекор стихиям» русские «живые души», подобные А. С., отдельные капли среди океана, заранее осуждены были на бесславную гибель. И как не казаться? Росчерком пера люди выбрасывались за борт жизни страны, труды годов превращались в прах, а само общественно-просветительное дело было признано за «потрясение основ».

Те, кто за последнее время писали о покойной А. С., удивлялись ее настойчивости, спокойствию, терпимости. Конечно, это — итог обретенного опыта, это — житейская мудрость, но это и результат жизненной суровой школы, той — о которой говорят вышенаписанные строчки. Эта школа на всю жизнь закаляла тех, у кого хватало сил ее пройти. Для них не было ни трудного, ни скучного; они не знали «больших» и «малых» дел. Каждый шаг был необходимый, неотложный и главный, потому что он являлся **очередным** на том пути, который вел Россию от темноты к свету.

Не сломили живой души Анны Сергеевны и годы эмиграции — ее вера в Россию, в ее будущее осталась непоколебленной; не сложила она рук и в своей работе: начала она свою жизнь с общественной помощи всем нуждающимся в ней, среди этой работы и застала ее болезнь, сведшая ее в могилу.

Но, кроме этого, А. С. не покинула и политической работы. Она вступила в ряды членов РДО со дня его основания, — в ту организацию, которая и на чужбине продолжала борьбу за дорогие ей духовные ценности: за достоинство человека, свободу и демократию.

В критические для молодой организации минуты она — испытанный боец — проявляла исключительные усилия, внося свой спокойный, мудрый опыт в помощь более молодым сочленам, чтобы

начатое ими дело побороло встретившиеся на новом для них — сложном и трудном — пути испытания. Так было в период, когда в жизни русской эмиграции волной прокатилась проповедь о «возвращенчестве», грозившем убить самый raison d'être эмиграции. «Болезнь роста» миновала благополучно, и РДО приступило к разработке своей социальной программы в свете новых русских и мировых условий. А. С. неустанно, с живым интересом следила за этой ответственной работой, опять-таки с своей стороны, отдавая ей и свою широкую эрудицию и внося в нее требования своего глубокого демократического мировоззрения. Она не пропускала ни одного общего собрания, ни политического банкета — быть среди своих сочленов и соработников являлось для нее органической потребностью. Непоколебимая в своих идеалах, всегда готовая на дальнейшую работу, А. С. и здесь была примером, которым нельзя было не вдохновляться, и которому нельзя было не подражать. Это и привело к тому, что, хотя она и не занимала в РДО никакой «официальной должности», тем не менее все видели в ней идейную руководительницу Об'единения.

Конечно, по сравнению с работой в России, для А. С. это уже были « малые дела » — наши эмигрантские — но и здесь «сказался человек». И мысленно пробегая этот последний период жизни А. С. Милюковой, я невольно вспоминаю одно изречение Григория Великого — его надо хорошенько запомнить всем усумнившимся и «уставшим»: «малые дела есть малые дела, но великое дело всегда быть верным малым делам».

Ушла от нас «живая душа». Пусть же ее искры западут в оставшиеся молодые души и зажгут в них такие же силы любви к России и веры в нее, такую же устойчивость в работе, с которыми прошла через всю свою жизнь А. С. Милюкова.

И. Демидов.

К статье Е. Новохатного «Дальневосточный вопрос»

ОТ РЕДАКЦИИ

По причинам технического характера в помещенной в № 3 «Нашего Слова» статье Е. Новохатного был допущен пропуск, который редакция считает необходимым восстановить в настоящем номере.

Защиту точки зрения левого сектора эмиграции взял на себя Ф. Е. Махин, председатель местного комитета «Земгора» и редактор издающегося на сербско-хорватском языке «Руски Архив».

«Между эмигрантами действительно есть люди, думающие, что ценой отдачи русской территории будет свергнута советская власть, и спасена русская культура, которую эта власть грозит уничтожить, — заявил Ф. Махин. — На это мы отвечаем, что всякое правительство, в том числе и советское, имеет лишь преходящее значение и вечна одна лишь Россия.

Территория, населенная русским народом и другими народами, связавшими с последним свою судьбу, принадлежала нашим предкам и на нас лежит долг передать ее нашим детям, как величайшую драгоценность, дороже которой ничего нет и не может быть для русского народа.

Русская культура не нуждается ни в чьей защите, тем менее в защите Японии, ибо она существует и будет существовать, пока существует русский народ, и последний обладает достаточной внутренней силой для того, чтобы своими собственными усилиями выйти на широкие пути своего исторического развития.

Поэтому мы не можем не быть на стороне тех русских людей, которые встанут на защиту границ нашей Родины и сделаем все, что будет в наших силах, чтобы обеспечить победу их оружия».

Появление этого интервью смешало все карты: больше нельзя было ни замалчивать раскол, ни пытаться изображать его в тенденциозном освещении. И перед рядовым эмигрантом открылась, наконец, возможность не только ознакомиться с действительными мотивами наших расхождений, но и по достоинству оценить жалкую и наивную аргументацию пораженцев.

Естественно, что неожиданное пораженчество наследников Корнилова, Деникина и Врангеля, столь противоречащее духу белого движения и столь роковым образом сближающее их с большевиками времен великой войны, не могло не вызвать законного раздражения в морально здоровой части эмиграции, которая, ведь, в большинстве своем и состоит из вчерашних участников белой борьбы. Особенно, если принять во внимание, что вместо для современности утопической, но высокой и увлекательной идеи международного братства и всеобщего счастья им ничего не могли предложить, кроме идеалов мещанства и тактики международного авантюризма.

С другой стороны, это же интервью позволило югославянской общественности ознакомиться с истинными настроениями русской эмиграции, в которых обычно она бывает плохо осведомлена, т. к. черпает свою информацию, главным образом, из наших официозных кругов и покровительствуемой ими части эмигрантской прессы.

Обзор жизни республиканско-демократической эмиграции

РДО В ПАРИЖЕ

Доклады и собрания :

1. — 12 декабря 1934 г. — Собеседование об избирательных системах со вступ. словом **Б. Л. Дудкина.**
2. — 21 декабря — Доклад **А. Ю. Рапопорта** — Последние мероприятия Сталина».
3. — 28 декабря — Публичный докладъ **П. Н. Милюкова** — «Европа, Россия и эмиграция».
4. — 9 января 1935 г. — Прения по докладу **А. Ю. Рапопорта** — Последние мероприятия Сталина»
5. — 23 января — Собеседование, посвященное разбору № 3 «Нашего Слова» со вступ. словом **Н. П. Некрасова.**
6. — 30 января — Доклад **М. Н. Абациева** — «Государство и партии».
7. — 6 февраля. — Закрытый доклад **Л. М. Неманова** — «Современное международное положение».
8.— 27 февраля — Прения по докладу **М. Н. Абациева** — «Государство и партии».
9. — 16 марта. — Публичный доклад **А. П. Маркова** «Новый поворот Сталина?»
10. — 22 марта. — и 11. — 30 марта. — Доклады **Г. С. Куртилина** — «Капитализм на путях от хозяйственной свободы к управляемому хозяйству».
12. — 3 апреля. — Прения по докладу **Г. С. Куртилина.**
13. — 12 апреля. — Открытый доклад полк. **К. М. Шумского** — «Перспективы германо-советской войны».
14. — 23 апреля. — Доклад **М. С. Багдасарьяна** — «Проблема кредита».
15. — 3 мая. — Закрытый доклад **А. С. Дигусара** — Тяжелая промышленность в СССР».
16. — 7 мая — Открытый доклад **Л. М. Неманова** — «На страже мира — от Стрезы и Женевы в Рим и Москву».
17. — 12 мая. — Годичное общее собрание членов РДО.
18. — 14 мая. — Закрытое совместное заседание р.-д. группы Партии Народной свободы и РДО для заслушания доклада **Л. М. Неманова** — «Франко - советский договоръ».

Общее собрание

12 мая состоялось под председательством Н. Н. Кнорринга годичное общее собрание членов РДО. Заслушав доклады правления и ревизионной комиссии, общее собрание одобрило деятельностъ правления за истекший год, приняло смету на 1935 год и утвердило заключения ревизионной комиссии.

В произведенных затем выборах выбраны: Председатель РДО — П. Н. Милюков;

Члены правления: А. А. Александров (секретарь), М. Н. Абациев, К. И. Аристов (тов. председателя, П. П. Гронский (тов. председателя), А. С. Дигусар, Б. Л. Дудкин, С. Н. Карпов, Г. С. Куртилин, В. В. Попов (казначей), Е. И. Унбегаун; ревизионная комиссия: И. В. Нестеров, Б. М. Сарач и Т. М. Якушев.

БЕЛЬФОРСКОЕ РДО

На состоявшемся недавно годичном Общем Собрании членов Бельфорского РДО в состав Правления на текущий год избраны: Председателем И. Е Ачкеев, Секретарем А. А. Дмитриев и Казначеем А. И. Валковский.

Бельфорское РДО за девять лет своего существования проделало большую политическую и культурную работу в среде местной русской колонии и сыграло немалую роль в перемене эмигрантских настроений, особенно, по отношению к России.

Еще несколько лет тому назад умами здешних эмигрантов владела «эмигрантская гордыня», а читателей сов. книги и, особенно, сов. газет причисляли, если не прямо к большевикам, то во всяком

случае — к большевизанам. Теперь положение иное. Местная публика — выражаясь сов. языком — «повернулась лицом к России», чутко прислушивается ко всякой весточке, идущей оттуда, со вниманием следит за происходящими там жизненными процессами, с жадным интересом читает и сов. литературу и сов. газеты и с каждым днем все больше убеждается в правильности, как р-д-ковской информации, так и р-д-ковских оценок и прогнозов.

Библиотека РДО, располагающая большим, чем другие местные библиотеки, фондом сов. литературы, с каждым месяцем увеличивает число своих абонентов, а Бельфорское РДО пользуется тут заслуженной популярностью и является наиболее солидной и мощной из местных политических организаций.

В. П.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ КЛУБ

(Письмо из Праги).

С начала этого года в Праге, среди демократически настроенной части эмиграции велись переговоры об образовании какого то центра, где люди могли бы встречаться, обмениваться мнениями, обсуждать политические вопросы, а при случае и принимать совместные решения.

Это начинание вылилось в создание **Демократического Клуба**, совершенно свободного об'единения лиц демократически настроенных и политически активных.

Оказалось, что потребность во взаимном общении сильна и тем для публичного обсуждения много. В клуб вошли лица разных политических группировок (конечно, по персональному признаку), а также лица, не принадлежащие ни к какой партии.

Бюро клуба состоит из четырех лиц: Е. Д. Кускова, М. Ф. Ковалев, Д. И. Мейснер и В. А. Харламов (председатель Бюро).

До сих пор с докладами выступили: 1) **М. Ф. Ковалев** на тему — «Наши разногласия» — рѣчь шла о тактических разногласиях в демократической среде, 2) **г. Рудольф** — иностранец — бывший коммунист, недавно приехавший из СССР и теперь в эмигрантской и иностранной прессе разоблачающий подлинный лик советской действительности и политики компартии, 3) **Е. Д. Кускова** — на тему о внутренних процессах, происходящих внутри ком. партии; 4) **П. И. Звездич** — на тему о международном положении, 5) **А. А. Аргунов** — на тему о возможности войны и отношении к ней эмиграции. Последний доклад вызвал оживленные, продолжавшиеся два вечера, прения и 6) собрание с сообщениями **Д. И. Мейснера** и **С. І. Гессена** о впечатлениях посетивших СССР чешских журналистов и сообщением **С. Н. Прокоповича** о новом колхозном уставе. Последнее сообщение было дополнено А. М. Байковым и В. П. Клоповым.

Все доклады вызвали весьма оживленный обмен мнений, в котором приняли участие почти все члены клуба.

Новое пражское общественное начинание показало, что люди, об'единенные общей верой в жизненность демократических принципов и в их «актуальность» для России, могут, несмотря на различие точек зрений у отдельных членов клуба, спокойно и дружески дискутировать самые острые вопросы.

Пражанин.

ОБ'ЕДИНЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В АМЕРИКЕ

Недавно в Нью-Иорке образован Русский Прогрессивный Общественный Комитет, поставивший себе задачи освещения перед американским общественным мнением истинного положения в России и борьбы против реакционно - монархической пропаганды правых кругов русской эмиграции.

Деятельность свою Общественный Комитет начал с имевшего огромный успех митинга протеста против бессудных казней в СССР. При его активной помощи были устроены в разных городах С. А. С. Ш. лекции Т. В. Чернавиной и банкет в ее честь в Нью-Иорке с участием на нем видных представителей американской общественности.

Комитет ведет энергичную борьбу за свободу и демократию, завязал уже непосредственные связи с американскими общественными кругами и печатью и подготовляет образование американского общества Друзей Свободной России, в противовес существующему Обществу Друзей Советского Союза.

В состав Комитета входят как социалисты, так и республиканцы - демократы, причем заслуживает быть особо отмеченной энергичная и дружная рабо-

та «Плехановцев» — доктора С. М. Ингермана (председатель Комитета) и А. П. Брайловского и демократов: редактора газеты «Новое Русское Слово» М. Е. Вейнбаума, б. члена Гос. Думы Н. Н. Николаева, прис. пов. М. И. Печковского и С. Э. Бобовича. Начинаниям Комитета большую поддержку оказывает также Александра Львовна Толстая.

С особым удовольствием отмечая создание и деятельность Русского Прогрессивного Общественного Комитета в Америке, желаем ему горячо дальнейшего процветания и успеха в борьбе за дорогие нам общие идеалы свободы и демократии.

Б. Д.

ЮГОСЛАВИЯ

По нашим сведениям, среди р.-д. настроенных эмигрантов в Белграде возникла мысль о создании организации для защиты и распространения р.-д. идей

Предварительные переговоры обнаружили подготовленность местных условий для такого политического об'единения.

Особенно нужно приветствовать возникновение р.-д. организации в обстановке до сих пор монопольного господства правых и фашистских групп. На долю наших единомышленников выпадает большая и ответственная работа по оздоровлению политической эмигрантской атмосферы.

Отметим, что наш журнал широко распространяется среди беженцев, проживающих в Югославии.

В Белграде

(Письмо из Югославии)

О пораженческой и японофильской пропаганде, ведущейся среди местной русской эмиграции Вы уже знаете из письма Е. Новохатного, напечатанного в № 3 Вашего журнала. Сейчас обработка эмигрантского обывателя ведется определенно в германофильском духе. Превозносить Гитлера стало хорошим тоном в известных белградских кругах, но делается это обычно не публично и только В. В. Шульгин позволи себе открыто на митинге восхвалять Гитлера, который де может возродить в России и право, и справедливость, и культуру, и закончил свое выступление обращением по его адресу «милости просим». Его речь вызвала полное недоумение всего зала и была так холодно принята, что в дальнейших своих публичных выступлениях в местной устной газете, В. В. Шульгин, хотя и остается на старой позиции, но проводит ее значительно осторожнее, больше ходя вокруг и около.

Как Вы знаете, русская эмиграция в Югославии принадлежит по преимуществу к военным кругам, а политически — к правым группировкам. Этим об'ясняется то, что хотя доклады приезжавшего сюда А. И. Деникина собирали полный зал слушателей, но встречены были довольно сдержанно. Кличка «милюковец», которую А. И. Деникин получил в Белграде после известной полемики по дальневосточному вопросу, сделала свое дело, так что даже Союз инвалидов, почетным членом которого состоит генерал, должен был уклониться от его чествования.

Влияние окружающей среды оказывает свое влияние на белградских русских людей и тянет их вправо. П. Б. Струве, проделавший длинный путь от социализма к РОВС-у, на недавнем чествовании юбился Киевского Университета, говорил «об оклевстанном царствовании Николая I» и заявлял, что следует пересмотреть вопрос о Каткове и что Пихно и Шульгин делали в «Киевлянине» великое государственное дело. Недавно П. Б. Струве вступил в возглавляемый митрополитом Антонием Русский Комитет, что, очевидно, является дальнейшим шагом его политической эволюции.

Из другим политических событий следует отметить оживление деятельности Национального Союза Нового Поколения, имеющего в Белграде центр своей «мировой» организации и успевшего уже устроить три с'езда, причем на последнем из них было торжественно признана «вредность» выборного начала как для партийных вождей, так и для органов управления.

М. Ф.

Le Gérant: V. Kosmentzoff

Impr. d'Art, 77, r. Mouton-Duvernet, Suf. 28-74

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ №№ «НАШЕГО СЛОВА» :